

63.3(2Р-4Тв)6
К 89

Е.Г.КУЗЬМИНА

БЕЖЕЦК МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД С НАЗВАНЬЕМ НЕБРОСКИМ

**РАССКАЗЫ О СТАРИНЕ,
О ПРОШЛОМ Г.БЕЖЕЦКА
И БЕЖЕЦАНАХ**

**БЕЖЕЦК
2006**

БЗ. 3(2Р-4ТЗ)6

к 89

Посвящается
моей милой любимой бабушке
Екатерине Васильевне Ревякиной

Елена Кузьмина

БЕЖЕЦК
*мой маленький город
с названием неброским*

Рассказы о старине, о прошлом г.Бежецка и бежечанах

*Город Городецко-
Город нашего детства,
Он прекрасен и молод,
Старый наш древний город,
Город Бежецк любимый
Вечно в сердце хранимый,
Наша гордость и наша судьба!*

Г.А.Кукушкина

Бежецкая центральная
Библиотека
им. В.Я. Шишкова
2006

3210154034-А8

ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРОМ БЕЖЕЦКЕ

Прочитала я рассказ старожила Бежецка И. Райхера в газете «Бежецкая жизнь» за 2000г. № 7, 8, 9, вспомнила свое детство и захотела поделиться воспоминаниями с бежечанами. Когда-то мы жили с Райхером в одном доме – пл. Революции, 13. Дом этот угловой, по ул. Введенской он тоже 13. Семья наша поселилась в этом доме, принадлежавшем А. Яшину, в 1926 году. Снимали две маленькие комнаты. Потом дом стал коммунальным. Был он большой, жильцы дружные, отзывчивые. Естественно, и детей много. Если у кого-то случалось горе или радость, об этом моментально узнавал весь дом. В коридоре у каждого стоял стол, на нем – примус, самовар, посуда, ведра с водой.

Мы, дети, старались помогать взрослым: ходили за водой на колодец, пилили дрова, подметали и мыли полы, стирали, стояли в очередях и др.

На пригорке недалеко виднелась Введенская церковь, такая уютная. Внутри церкви – чудесный богатый иконостас. В церковные праздники малиновый звон колоколов разносился по всей округе. Около церкви стояла сторожка (она и сейчас цела). В конце тридцатых годов церковь разрушили.

Мы часто лазали на колокольню Введенской церкви. Туда вела крутая каменная лестница. В войну вход на колокольню заколотили, а в часовне продавали керосин.

Дом наш стоял напротив скверика имени В. И. Ленина. Летом по вечерам около дома жизнь кипела вовсю. Старшие играли в лапту, чижика, волейбол, а младшие – в прятки, в казаки-разбойники, штандарт, скакали через скакалку. Особенно мастерски скакала Валя Румянцева.

Старушки сидели на стульчиках на крыльце или в скверике. Скверик был окружен деревянным забором, вокруг него росли елочки, а внутри – березы, тополя, липы. В центре стоял памятник Ленину на высоком постаменте, темном, металлическом. Потом памятник заменили на гранитный. Вокруг памятника в форме пятиконечной звезды – цветник. Цвели флоксы, левкои, душистый табак львиный зев, ноготки, астры...

По вечерам в скверике собиралась молодежь (в основном, старшеклассники и студенты). Душой молодежи был замечательный математик средней образцовой школы № 1 (ныне средняя школа № 5) Борис Иванович Белобородов. Слышались смех, шутки, анекдоты.

У скверика днем и вечером продавали мороженое – круглое, в вафлях, на которых стояли имена Вася, Нина, Ваня, Лена, Коля, Рая и т. д.

Раза два в неделю родители нам давали по 20 копеек, маленькая порция стоила 10 копеек, а большая 20. Мы брали две по 10 копеек.

В 30-е годы на ул. К. Маркса торговали турки в домах Репина, д. 21. Абаловых, д. 27. Там продавали вкуснейшие пирожные, ириски в коробочках, розовые пряники, розовые баранки, конфеты, леденцы.

На левой стороне ул. К. Маркса находился парк Металлистов. Там стоял Летний театр, росли вековые липы, был разбит цветник, справа – качели.

*Автор сердечно благодарит
за издание книги Центральную библиотеку им. В. Я. Шишкова,
главного библиотекаря-краеведа Л. А. Фролову,
главного библиографа М. Г. Михайлову.*

Приезжали артисты из Калинин, Кимр, Великих Лук. Ставили прекрасные спектакли с богатейшими декорациями и костюмами. В парке устраивались выставки. Одна мне запомнилась – на тему «Что бывает, если мы не моем руки после денег». Были разложены муляжи с изображением различных язв, опухолей, нарывов и т. д.

Летом в какой-то праздник нас, детей из коммунальных домов, пригласили в сад Металлистов и каждому вручили по пирожному или большому безе. На месте парка Металлистов позднее построили жилой дом №19. На левой стороне ул. К.Маркса выдвинулся Дом культуры. Зимой приезжали артисты и ставили пьесы, проходили вечера и карнавалы.

В Бежецке в 30-е годы и позднее существовал любительский драматический театр. Ставили пьесы А. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Гроза», «Не все коту масленица», Арбузова «Таня», «Шестеро любимых», Шолохова «Поднятая целина». Режиссерами тогда были Суворов, Рааг, позднее Н. Виноградов. В выступлениях участвовали бежецкие артисты-любители Анина, Суворов, Л.Шуркина, А.И.Ревякина-Гебельт, Г.П.Малинина, Л.Орлова, Доброходов, Доброходова, Дурандин, Шманцарь, Свердлов, К.Зрентьева и другие.

Моя мама участвовала в выступлениях и часто брала меня на репетиции. В вестибюле стояло огромное зеркало, а около – чучело медведя.

Однажды режиссер Рааг отработывал мимику и жесты. Артисты встали лицом к двери и должны были изобразить на лице негодование и жестом указать на дверь: «Вон!» В это время в дверь вошел работник клуба, когда он увидел жест и гневный взгляд, то попятился и выбежал вон.

В подвальном помещении ДК находилась типография и редакция газеты «Знамя Коммуны». На этой же улице находилась библиотека, куда мы с удовольствием ходили и где нас радушно принимали работники библиотеки.

В конце улицы на углу находилось здание почты и телеграфа, на правой стороне – милиция.

Летом на Базарной (Советской) площади проходила ярмарка нас, детей, радовала карусель.

Летом устраивались гулянья в Жоховской роше на берегу реки Остречины. Путь шел мимо бывшего женского монастыря (Рабочий городок), мимо монастырского кладбища.

Там стояла церковь, вокруг росли дубы. Мы приходили сюда собирать желуди. На кладбище – могилы монахинь, купцов, мешан. (Сейчас на этом месте построены дома).

Дальше дорога шла мимо березовой аллеи, вдаль виднелась березовая роща, где мы собирали грибы. В войну эту рощу вырубил.

Летом на гулянья в Жохово собиралось много народа. Проходили разные выступления. Играл духовой оркестр, танцевали. Работал буфет.

В начале 30-х годов из нашего дома уехала семья Роговых, в их квартиру въехали Кузнецовы. Василий Петрович Кузнецов был первым директором завода «Сельмаш». Тогда по проекту хотели создать льнокомбинат, на который должна была поступать льнотреста, а выходить готовое льняное полотно. Видимо, проект изменили. Строительство шло. Василий Петрович Кузнецов

одним из первых получил орден Ленина (примерно 1937 год). Почему о нем нигде не упоминают? У Кузнецовых бывали И.Густов, Паршин, Башкин и др. (бежецкое начальство). В 1938 году В.П.Кузнецова повысили, и он с семьей уехал в Калинин.

Построили первые три барака. В одном из них находился клуб. Нас, детей, организовала в кружок энергичная, деловая женщина по фамилии Ланг, жена одного из ответственных работников строительства. Мы выступали в клубе: ставили пьесы, танцевали, пели, читали стихи.

Летом целыми днями пропадали на реке Остречине у первого оврага: купались, загорали, играли в мяч. Были там женская и поодаль мужская «глинки». Когда проголодаемся, мальчишки принесут нам из колхоза «Коммуна» брюкву, турнепс, морковь. Почистим ножичком, помоем в реке и с удовольствием съедим.

Мы, девчонки, научились грести и управлять лодкой. Брала ее на лодочной станции. Вначале плавали недалеко, а потом все дальше и дальше. Однажды на лодке подплыли к островку, расположенному около льнозавода. Пробыли там с полчаса.

Вечером наших мальчиков на месте не оказалось. Один мальчуган сказал, что они не придут. Мы поплыли на островок, а они там купались и загорали голые. Увидев нас, выходящих из лодки, они, схватив одежонку, кинулись в кусты. А там оказалась крапива и муравьи.

Мы знали три оврага на берегу Остречины. Если идти от первого ко второму, на берегу реки росла высокая изумрудная трава и пестрели в ней цветы: ромашки, колокольчики, полевая гвоздика, купавка, в сырых местах голубели незабудки. Мы любили лежать на спине и смотреть в безбрежное синее небо. Над головой пролетают трудолюбивые пчелы, жучки, жужжит бархатный солидный шмель, рядом прыгают веселые кузнечики, порхают яркие нарядные бабочки. На руку села ярко-красная с черными точечками божья коровка. Быстро ползет по руке и – не успеешь оглянуться – улетает. А на сердце легко и радостно, в голове роятся прекрасные мечты. Плетем венки из ромашек, собираем букеты из полевых цветов...

Иногда в 30-е годы мимо нашего дома проходили мужички и выкрикивали: «Точу ножи, ножницы! Точу ножи, ножницы!» или «Кому березовый уголь?» Выходили хозяйки, брали березовый уголь мешками для утюгов.

Однажды вечером весь дом был оповещен, что летит дирижабль. Выскочив на улицу, увидели, что в небе медленно плывет дирижабль, разноцветными огоньками светится гондола. А через два дня по радио услышали, что дирижабль в Скандинавии разбился о скалы. Это летела научная экспедиция.

В нашем доме жила семья Франтовых. К старшей дочери Веронике приходили подруги Надя Дарда и Лида Головушкина. Они учились в 10 классе, а мы в начальных классах. Смотрели на них с восторгом.

Как-то в школе устроили карнавал. Вероника сшила костюм: одна половина – женская одежда, другая – мужская. За этот костюм она получила приз.

В дальнейшем Надя Дарда и Лида Головушкина окончили медицинский институт, а Вероника – педагогический. Началась Великая Отечественная война. Все три подружки ушли на фронт. После войны Надежда Иосифовна Дарда – Соколова стала замечательным детским врачом. Мне не раз приходилось к ней обращаться, когда сыновья еще были маленькими, а затем и с внуками. Сколько детей она спасла! Да и мне она помогала в тяжелой болезни. Спасибо ей! И не зря избрали ее почетным гражданином г.Бежецка.

Лидия Васильевна Головушкина возглавила инфекционное отделение. Под ее руководством сложился замечательный коллектив профессионалов,

добрых, отзывчивых людей. На Пролетарской улице жила прекрасный детский врач Серафима Ивановна Смирнова. Она приходила на помощь детям в любое время суток.

Вероника Франтова преподавала в Бежецком педагогическом училище, а когда оно закрылось, уехала в Магадан.

Около нашего дома стоял уютный домик № 15. В этом доме жил врач Григорий Иванович Серов. Он основал противотуберкулезный диспансер. Это был культурный, отзывчивый человек. Всю жизнь он отдал своей профессии. Его дочь Евгения Григорьевна Серова - Новосадова закончила медицинский институт и продолжила дело отца. Сначала она работала врачом, а потом главным врачом противотуберкулезного диспансера. Душевный, прекрасный врач, она создала сплоченный чудесный коллектив. Проработала на этом месте более 40 лет. В этом диспансере проработала тоже более 40 лет старшая медицинская сестра Елена Владимировна Шкварцева. Все они – скромные, замечательные труженики, профессионалы.

Во дворе нашего дома стоял особняк, дом №13-а, в котором жил хозяин А.Яшин. А в мезонине, жила семья Брянцевых. Муж большой. Надежда Николаевна Брянцева – женщина волевая, хорошая хозяйка. Дети Александр, Николай, Ольга и Геннадий. Все дети очень одаренные. Николая Васильевича Брянцева знает весь Бежецк. У него у первого появился мотоцикл. Он работал над различными изобретениями. Соорудил маленький телевизор, в котором мы видели движущиеся фигурки. А ведь мы тогда понятия не имели о телевизорах.

Сколько замечательных, одаренных, добрых, отзывчивых, прекрасных людей нас окружало!

РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ И СТАРИНЕ, О РОДНОМ, МИЛОМ ГОРОДЕ БЕЖЕЦКЕ

...Яркое и солнечное июльское утро. Воскресенье. После завтрака беру сумку с булочками и бегу к бабушке.

На деревьях листочки не колышутся. Падают причудливые кружевные тени на землю. Сбежала с крыльца, болтаю в теплой пыли босыми ногами – все ребята нашего дома летом бегали босиком. Мне семь лет. Подстрижена под мальчишку (на снимке – автору 4 года). Напротив нашего дома скверик имени Ленина. Перелезаю через забор – редко ребята нашего дома ходили через входные двери скверика. Пересекаю скверик, перелезаю на другую сторону. Бабушка живет на противоположной стороне скверика в бывшем доме Галуновых. (В годы войны и в послевоенное время в этом доме находилась гостиница, затем госучреждения, в том числе Госстрах. Теперь этого дома нет – случился пожар,

и через некоторое время дом снесли.)

Бабушка встречает меня доброй улыбкой и словами: «Елочка пришла!». Так она меня иногда ласково называла. А тетя Валя сидит за письменным столом и что-то пишет. Подняв голову, говорит: «Надо кончать писать. Кажется, пришло «стихийное бедствие». Меня она так звала с тех самых пор, когда меня привезли в этот дом новорожденную в бельевой корзине и поставили на сундук. Целый месяц (пока отделяли комнатики на Введенской, д. 13, где мы жили) я нарушала ее покой громким плачем, криком, возвещая, что в корзине находится очень беспокойное существо. Подросла я. И когда появлялась, то все приходило в движение, передвигалось, кричало, шумело, прыгало.

Передав бабушке булочки, прошу пить. Она наливает чашку прохладной воды и при этом приговаривает: «Попей-ка, попей-ка, на дне-то копейка, побольше попьешь, так и две найдешь!» Смеюсь, так как раньше искала в чашке копейку. Рассказываю бабушке о фильме, который мы смотрели с девочками накануне. Тороплюсь, рассказываю с пятого на десятое. Она кладет мне руку на плечо и произносит: «Ежели примерно так точно рассуждать, то не более не менее, как вообще...»

Ухожу от бабушки тем же путем. Перелезаю через забор. Подходя к забору на другой стороне скверика, вдруг вижу, что на середине дороги стоит враг всех девочек Борька В. Он ножиком строгаёт прутик. Папа мне как-то сказал, чтобы я не жаловалась ему на мальчишек, а разбираюсь с ними сама, давая им сдачи. Так что такой момент пропустить я не могла. Сорвав ветку елки и пучок крапивы, перелезаю, подкрадываюсь и хлещу крапивой и еловой веткой по его голым ногам. Раздается громкий вопль, он оборачивается, грозит мне кулаком и убегает в облаке серой пыли. А я с широкой победной улыбкой шествую к дому. Папа спрашивает: «Ну что, Стрекозел, все в порядке?» Стрекозлом папа иногда называл меня за подвижность. А мама меня звала просто Лелей. К 11-ти годам я перестала драться с мальчишками, стала робкой, стеснительной.

Папа – высокий, худощавый, с прекрасной фигурой, синими глазами и темными волнистыми волосами, легок на ногу. В свободное время любил читать книги, газеты, журналы, особенно журнал «Вокруг света», отгадывал ребусы, шарады, кроссворды. (На этом снимке они вместе с мамой).

Мама – невысокая, с серыми глазами, интеллигентная, много читала, любила классику, замечательно готовила. Папа часто говорил шутливо: «Тоня, щи у тебя на «ять» или жаркое «антик мере с гвоздикой». По вечерам мама выступала в бежецком театре. В трудное время мама научилась шить атласные туфельки и мастерить шляпы.

Бабушка и мама учили меня хорошим манерам. Папа был за свободное воспитание. А улица учила жизни. С детства приучали меня и к труду.

Моя бабушка, Екатерина Васильевна Ревякина, урожденная Назарова, родилась в 1865 году в семье бежецких мещан, являлась вторым ребенком в

семье, были у нее братья Сергей и Николай и младшая сестра Елена.

Бабушка закончила два класса. Училась хорошо, обладала отличной памятью и смекалкой. Учительница просила родителей, чтобы дочь продолжала учебу, но отец сказал, что девочке надо только уметь читать, писать и считать, еще заниматься хозяйством.

Бабушке исполнилось 15 лет, когда к ней посватался купец Иван Александрович Ревякин. Он был старше ее лет на девять. Кате пришлось прибавить годок, так как венчаться разрешалось только с 16 лет.

Иван Александрович Ревякин был пятым ребенком в семье. А всего у его матери Александры Матвеевны Ревякиной родилось 22 ребенка, но в живых осталось только шестеро. Многие

умирали сразу после рождения.

Как-то Иван Александрович Ревякин по делам торговли находился в Нижнем Новгороде. Там влюбился в Наденьку-золотошвейку, но родители согласия на брак не дали. Иван Александрович страдал. А через несколько лет увидел Катю (мою бабушку) в Бежецке, она внешне напомнила ему Наденьку. Так он и посватался. Отец бабушки сразу дал согласие – ведь посватался купец!

Накануне свадьбы невесте Кате посыльный вручил от жениха лакированную шкатулку с перламутровой инкрустацией. Внутри шкатулка была отделана голубым атласом с перламутровыми пуговками. Там лежал подарок: подвенечное платье с фатой и две изящные коробочки с кольцом в одной и часами на цепочке в другой.

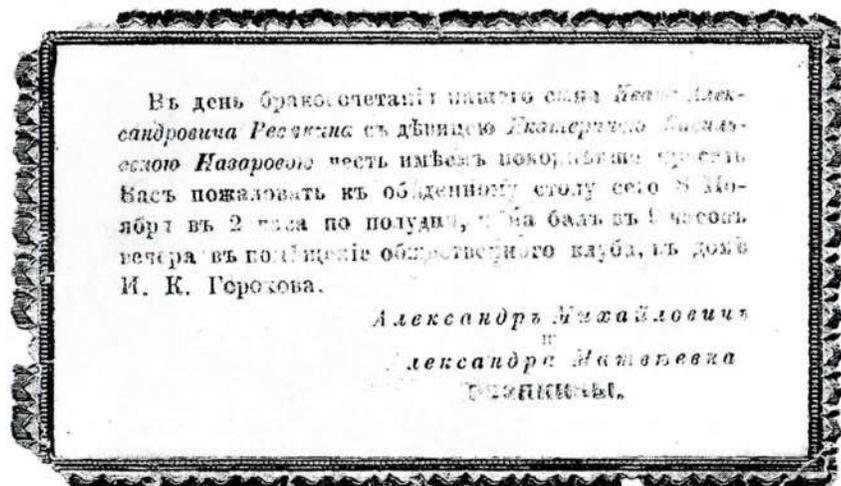
Свадьба проходила в общественном клубе в доме И.К.Горохова (Жукова). Утром, проснувшись, они услышали мелодичную музыку, а когда

вышли из спальни, над их головами разбили глиняный горшок по старинному русскому обычаю.

Катю считали бедной невестой, поэтому жилось ей несладко. Родилось у нее с мужем пятеро детей: Александра, Валентина, Антонина, Владимир и Александр, который умер маленьким.

Ревякин Иван Александрович и Екатерина Васильевна. 1880 г.

Въ день бракосочетанія нашего сына *Иванъ Александровича Ревякина* съ дѣвицею *Екатериною Васильевною Назаровою* честь имѣемъ покорѣнно просить Васъ пожаловать къ обѣденному столу сего 8 ноября въ 2 часа по полудни, а на балъ въ 8 часовъ вечера въ помѣщеніе общественаго клуба, въ домъ И. К. Горохова.

Александръ Михайловичъ
и
Александра Матвѣевна
Ревякинъ.

Приглашение на бракосочетание Ивана Александровича Ревякина и Екатерины Васильевны Назаровой

ДЕТИ

Ивана Александровича Ревякина и Екатерины Васильевны

Валентина

Владимир

Антонина

Александра

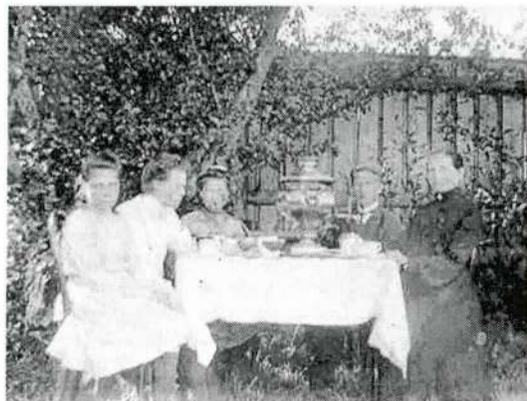
В 1901 году Ревякины поселились в доме Шустовых в конце улицы Кашинской (там, где сейчас находится завод БОЭ). Дом был двухэтажный, городского типа. Широкое крыльцо, большие окна, двор, хозяйственные постройки, прекрасный сад, в котором летом ставили стол, накрывали скатертью, за ним обедали и ужинали.

На втором этаже дома жили хозяева Шустовы, а на первом поселились

Ревякины. Пять комнат, из них две – гостиные. Одна красная – для дам: диван, кресла обиты малиновым атласом, большой ковер с цветами на малиновом фоне, большое широкое зеркало во всю стену в красивой черной раме. Другая гостиная, мужская, синяя; все то же, только с синим атласом.

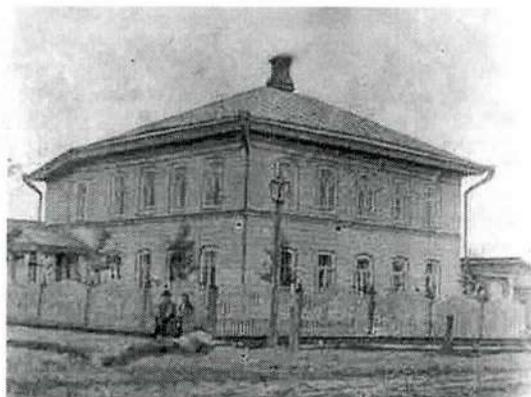
У Ревякиных имелась большая прекрасная библиотека. Почта адресовалась: дом Шустовых, госпоже Ревякиной или ее(его) Высокоблагородию Ревякиной. В праздничные дни, чтобы засвидетельствовать свое почтение и уважение, разносили или развозили изящные визитные карточки с именами супруга и супруги Ревякиных.

В 1920 году в Бежецке случился страшный пожар. Загорелась спичечная фабрика (ныне поселок Кирпичный). Дул ураганный ветер. Промчался мимо дома (а семья наша в это время обедала) вестовой, прокричал, чтобы готовили воду и песок. Не прошло и сорока минут, как стали загораться соседние дома. Огонь перекидывался через несколько домов сразу. Дом Шустовых сгорел. Мало что вытащили. Улицу оцепили военные. Они помогали вытаскивать вещи и охранять их. Горящие снопы льна летели до Базарной площади и дальше. На станции выносили вещи из домов. Но ветер переменялся и стал дуть в сторону Мологи. Это спасло город. Дома по обе стороны Кашинской улицы сгорели до базара. Но некоторые в промежутках сохранились. На углу Кашинской у базара стоял большой дом Гневушевых, сгорел. После него осталась избушка из кирпичей, которая стоит и сейчас.

На другой день пожара бабушка пошла на пепелище поискать, не сохранилось ли что. Приподняла лист железа, а под ним стоят корзины со скатертями и посудой (все это находилось в кладовке). Даже рисунок и цвет сохранились. Дотронулась рукой - и все рассыпалось в прах.

Через несколько дней погорельцы пошли и поехали по селам и деревням собирать утварь.

После пожара жили кто у родственников, кто у знакомых, а кто в учреждениях, конторах. Шустовы уехали в Тверь к детям. Семья Ревякиных поселилась в доме Галуновых на площади Революции, дом 21.

В 15-ом году нового столетия умер муж бабушки Иван Александрович Ревякин, а через некоторое время погиб сын Владимир Иванович. В начале октября он с другом плыл на лодке по Мологе. Вдруг услышали зов о помощи. Тонул мужчина. Владимир Иванович, не раздумывая, бросился в воду и спас тонущего. Но простудился, заболел и умер. Ему исполнилось всего 27 лет. По его проекту построено здание на Большой улице, дом № 40. На верхнем этаже жили хозяева, а на нижнем располагался рыбный магазин. Сейчас там сельхозуправление.

На Большой улице жили купцы Постниковы. Они свой дом перекатали на Введенскую улицу, дом 35. А на месте своего дома построили дом с лавкой для сына и его семьи. Сейчас это здание бывшего магазина № 16.

Старшая дочь бабушки Александра Ивановна окончила медицинский институт в Санкт-Петербурге и там осталась работать и жить. Она помогала больным не только поправляться, но и деньгами. Тем, кому не на что было купить лекарство, она под рецепт клала деньги. Пережила блокаду в Ленинграде. Поправляться приехала в Бежецк. Через некоторое время устроилась на работу в селе. Ждала вызова в Ленинград. Простудилась (организм после блокады был ослаблен) и умерла в 1944 году.

Младшая дочь бабушки Антонина Ивановна (моя мама) окончила гимназию, в 1908 году стала работать сельской учительницей. Было ей тогда всего 16 лет. Сначала работала по замене, когда какая-нибудь учительница болела или уезжала. Вспоминала, как приехала в первый раз в деревню, перед началом занятий вышла на крыльцо и спрашивает уборщицу: «Дарья Петровна, что это столько нищих-то идет?» А та отвечает: «Антонина Ивановна, это не нищие, это дети в школу идут». Одеты ученики были в одежду не со своего плеча, на ногах большущие сапоги, у некоторых лапти, через плечо перекинута холщовая сумка...

Другой случай произошел в селе Рожанцово (там мама заменяла заболевшую учительницу). После занятий пришли парни и стали разбирать фундамент школы, грозя кому-то кулаками. Старший учитель спрятался. Уборщица объяснила, что школа называется Рожанцовской, а стоит на земле другого села. Парни требовали, чтобы школа называлась по имени этого села. Мама накинула шаль, вышла на крыльцо, спросила фамилии. Сказала, что завтра едет в земство. Парни, почесав в затылке, нехотя разошлись. А на другой день пришли мужички со своими великовозрастными детьми и упали

в ноги. Стали просить не ездить в земскую управу, а фундамент они поправят.

Примерно в 1910 году мама устроилась на постоянную работу в школу в деревне Захарове. Там работала еще одна учительница Вера Яковлевна. Комнаты у них находились в разных концах коридора. Однажды после занятий вечером они у Веры Яковлевны играли в игру «Рич-рач» («Тише едешь – дальше будешь»). С улицы

пришел сын Веры Яковлевны и сказал, что в окнах комнаты Антонины Ивановны горит лампа и движутся какие-то тени. Мама прошла по коридору до своей комнаты. Тишина. Резко открыла дверь и увидела такую картину: ярко горела лампа, на столе стоял кипящий самовар, чашки, вазочки с печеньем, конфетами, пирожками и большой пирог посредине. И никого! На одном стуле увидела гармошку, на другом балалайку и гитару. Мама крикнула: «Гости из Бежецка приехали!» Из-за штор, шкафа стали выходить гости...

Иногда из Бежецка приезжали инспектор со священником. Проверяли, как выполняется программа, как ученики знают Закон Божий, готовы ли тетради (тетради тогда сшивали сами учащиеся под руководством учителя). А потом проверяющие устраивали чаепитие с привезенными гостинцами...

В какой-то год школа сгорела. Построили новую. Зарплата сельской учительницы была тогда 30 рублей в месяц. Летом часто путешествовали по Волге на пароходе. Когда наступали каникулы у студентов (приезжали из Москвы, Санкт-Петербурга, Рыбинска, Ярославля), жизнь в Бежецке была ключом. Многим студентам из Санкт-Петербурга не нравился памятник императору Александру III, который стоял на площади у Московского вокзала, и они сочинили такое четверостишие:

*На площади стоит комод,
На комод бегемот,
На бегемоте шапочка.
Чей же это папочка?*

Молодежь устраивала костюмированные балы, литературные и музыкальные вечера, благотворительные выступления в пользу бедных. Выступления оригинальные, веселые!

Немного запомнила из рассказа бабушки. Что-то вроде оперы, поют. Идут экзамены. Ученик-переросток Иванов Павел должен отвечать на вопросы:

*И ответьте на вопросы:
И какие папирсы
Курил Фридрих Барбаросса?
Иванов Павел, кол! Кол!
Поет Иванов Павел:
Надоели мне науки.
Ничего в них не понять.
Просидел насквозь я брюки -
Не в чем выйти погулять.*

Другая музыкальная пьеса – «Война грибов». Грибы в лесу поссорились, решили спрятаться, быть невидимыми. Девочка пришла в лес за грибами и не находит ни одного. Грибам стало жалко девочку, и они появились. Девочка набрала полную корзину грибов, принесла домой. На сковородке грибы поют веселые песенки, о каждом грибе – свою. Я запомнила о мухоморе:

*И пришел, покинув бор,
Старичище – мухомор,
Такой воинственный,
Такой таинственный,
А шляпка красная,
Как кровь пунцовая,
А ножка белая...*

Ревякина
Екатерина Васильевна
с дочерьми
Александрой Ивановной и
Валентиной Ивановной,
1920 г.

Екатерина Васильевна
с дочерьми Александрой и Валентиной,
1900 г.

Семья Шустовых

3210154034-AB

Иногда устраивались легкие увеселительные аттракционы. На одном из павильонов написано: «Комната смеха». Там происходили различные смешные приключения. В конце «Комнаты смеха» висела табличка «Картины». Первая картина – рама, серая бумага. Внизу подпись – «Тишина». Другая картина – рама, серая бумага, проткнутая посередине, подпись «Дыра». Третья – в доску вбит большой гвоздь, подпись «Гвоздь программы».

На бульваре зимой иногда молодежь возводила ледяные фигуры животных (слона, льва и т. д.). Пожилые степенные бежечане прогуливались по бульвару, а молодежь – по Большой улице.

В святки девушки гадали. Однажды мама с подружками пришли на перекресток дорог, увидели идущего вдаль мужчину. Мама выбежала на перекресток, изменив голос, крикнула: «Как суженого звать?» Мужчина, высокий, басом ответил: «Трифон, с того света спихан!» Все подружки со звонким смехом бросились врассыпную.

Детей в семье у бабушки было много, муж болел. А ребячья обувь быстро выходила из строя. Бабушка снесла обувь к знакомому сапожнику на починку. Через два дня пришла за обувью, сапожник назвал цену. Бабушка сказала: «О, да Вы, Василий Иванович, хотите с голого дерева да лыко драть!» Сапожник улыбнулся и сказал: «За такие мудрые слова с Вас, Екатерина Васильевна, не возьму денег».

Продукты бабушка брала в одной и той же лавке, в конце месяца рассчитывалась. В подарок ей бесплатно вручали коробку чая.

Бабушка никогда ни с кем не ругалась, ни на кого не повышала голоса, никого не осуждала, была приветливой и мудрой. Все невзгоды переносила стойко, не жаловалась на судьбу, на жизнь, не завидовала никому, старалась всем делать добро. К ней приходили за советом, за помощью, с горем. Никому не отказывала, чем могла, помогала. Нищего усадит за стол, накормит, слова ласковые скажет.

Если я бывала не права, клала мне на плечо руку и, глядя в глаза, объясняла, в чем я не права. Много читала, хорошо разбиралась в искусстве, политике. Знала столько сказок, поговорок, прибауток, шуток, пословиц, присказок!

Если слышали стук во дворе или в коридоре, бабушка приговаривала:

*Туки-туки-тук.
Кто-то рубит сук.
Крикнула спросонья
Вся семья воронья.*

Мы просили бабушку рассказать что-нибудь, и она начинала:

*Не рассказать ли вам,
ребятки,
Чепуху и враки.
Сено косят на печи
Молотками раки.
Свинка вилокю хлебает
Из кофейника уху.
Братцы, нам не подобает
Слушать такую чепуху.
Встретились две соседки:
- Марья, где была?
- Купила петуха,
- Али ты глуха?
- Полтину дала.*

Бежецкая центральная
библиотека
им. В.Я. Шишкова

Что будет? —
спрашиваешь ты.
 Вдали веков обетованных
 Реки медом потекут,
 Конечно, в берегах
кисельных,
 А сверху меда поплывут
 Большие кринки сливок цельных.
 В болотах закипит сивуха,
 А кочки луком порастут —
 Пей, закусывай, кому охота!

Когда у нас росли уже четверо внучат, купила я маленькую книжку с названием «Небылицы». Вспомнила бабушку. Нам особенно понравилась одна небылица:

*Рано утром, вечером,
 В полдень, на рассвете
 Баба ехала пешком
 В раскидной карете.
 А за нею во всю прыть
 Тихими шагами
 Волк старался переплыть
 Миску с пирогами.*

Приходя к нам, одна или с тетей Валею, произносила: «Не много ли вас, примите и нас», «Мир дому сему». А если, входя, слышала разговор, то: «Мир беседе вашей». Уходя, произносила: «И накушалась любя, будто дома у себя». Папа подавал ей пальто, она благодарила и приговаривала:

*- Раньше у Мокея
 Было два лакея,
 А теперь Мокей
 Сам себе лакей.*

Если кто-то зевал, то слышал: «Наши дома спят, а я бедная маюсь». А когда у кого-то происходила отрывка, то: «Благородная отрывка в дурном обществе».

По воскресеньям мама пекла пирожки, булочки или печенье. Мы с папой устраивались рядом и потаскивали кто тесто, кто начинку. Мама, не выдержав, прогоняла нас. А бабушка смеялась:

*-Завтра праздник,
 воскресенье.
 Нам лепешек напекут,
 И помажут, и покажут,
 А поесть-то не дадут.*

Зимой любили кататься на санках с Лесниковой горы напротив деревянного моста через Остречину. На этой горе стоял большой желтый деревянный дом Лесникова. В настоящее время этого дома нет. Здесь же на реке Остречине катались на коньках, привязанных к валенкам веревками и закрепленными палочками. Усталые, все в снегу, краснощекие, мы являлись

Дом Шустовых;
 слева семья Шустовых, справа семья Ревыкиных

к нам домой. Бабушка у нас топила печку и готовила. Она произносила: «Явились мощи из сосновой рощи». Усаживала нас на кушетку, угощала пареной свеклой, репой, брюквой, морковью. Иногда пекла пирожки с картошкой и капустой. Мы все это быстро съедали и слушали бабушкины сказки. Если я делала что-то не так, она приговаривала: «Шиворот навыворот затылком наперед». Или: «Шила милому кисет вышла рукавица. Меня милый похвалил: «Вот так мастерица».

Купили как-то свежую мелкую рыбку, я сказала бабушке, что уж очень она мелкая. А она ответила: «Маленькая рыбка все лучше большого таракана». У нас и у бабушки имелись две старинные фарфоровые пепельницы. Одна с голубой полоской посередине и надписью: «Жена, не серди своего мужа», другая с розовой полоской и надписью: «Муж, не серди свою жену».

Екатерина Васильевна с мужем Иваном Александровичем и дочерьми часто гостили в Рыбинске. Александра и Валентина учились в Рыбинске в гимназии.

В доме Шустовых часто собиралась молодежь. Приходила Мария Николаевна Ревякина, урожденная Коровкина с дочерьми Лидией и Констанцией. Молодежь играла в настольные игры. Особенно популярно было «Русское лото». Читали стихи, рассказывали смешные истории, музицировали, играли на балалайках, гитарах, пианино, пели романсы, народные песни.

Мария Николаевна Ревякина,
 урожденная Коровкина

Мама хорошо играла на гитаре, балалайке, обладала неплохим голосом и слухом.

Семья Ревякиных была знакома с семьями Шишковых и Андреевых. Бабушка вспоминала, что мать В.В. Андреева являлась женщиной энергичной и волевой. Однажды бабушка сказала, что мы пойдем по делу к хорошей женщине. Пришли на улицу Гражданскую. Комната

заставлена старинной мебелью. Встретила нас старая приветливая интеллигентная женщина Александра Степановна Сверчкова. Она предложила чаю. Мне она положила книжку с картинками. Разговор велся как между двумя хорошо знакомыми и уважающими друг друга людьми. По окончании разговора она проводила нас и просила заходить. Мне эта женщина запомнилась своей приветливостью и радушием.

В маленький домик к соседям приходила старая изящная женщина. Серебряные волосы обрамляли ее голову ореолом. Это была жена бывшего льнозаводчика Анастасия Суровцева. Особняк их и сейчас стоит около льнозавода.

В скверике имени Ленина часто на скамеечках сидели именитые старушки, которые рассказывали о прочитанных книгах, о жизни в прошлом и теперь. Но их становилось все меньше и меньше. Они уходили в мир иной.

Брат бабушки Николай Васильевич увлекался химией и слыл большим проказником. Однажды бабушка выстирала белье и вывесила. Он сказал: «Катя, посмотри, у тебя белье горит». Она глянула – горят носовые платки. Оказывается, он их натер фосфором.

Около дома собиралась молодежь. Он обращался к барышням, спрашивал, какого цвета ленту они желают. Наматывал на пальцы ленты красные, синие, зеленые и заворачивал их в бумагу. Девушки разворачивали бумагу, а там ничего нет. Как он это делал – загадка.

В доме Назаровых наверху находился мезонин. Там поселилась сестра бабушки Елена Васильевна. А Николаю Васильевичу давно приглянулась эта комната. Он предложил сестре поменяться. Та не согласилась. Однажды вечером, придя в свою комнату и засветив лампу, Елена Васильевна увидела, как двигаются кресла в белых чехлах. В другой раз поздно вечером, поднимаясь по лестнице, Елена увидела, что навстречу ей движется чудовище: круглая голова с огненными глазами и большим ртом. В ужасе она чуть не свалилась с лестницы. И, в конце концов, отдала свою комнату Николаю. А все эти страшные вещи были проделками Николая. Для чудовища он взял глиняный горшок, проделал дыры для глаз и рта, насыпал горящих углей, а в руки взял ухват.

В первую мировую войну Николай сражался на фронте, его тяжело ранило. Лежал в госпиталях, лечился на юге. Умер от ран.

У девочек из гимназии и мальчиков из реального училища была своя почта. Почтальонами, сами того не подозревая, являлись учителя. Некоторые из них преподавали и в гимназии, и в реальном училище. Свои пальто они

вешали в общей раздевалке. Мальчики клали записочки под ленты их шляп, под обшлага пальто, а девочки потом доставали и тем же способом передавали ответ.

Бабушка рассказывала, что на одной из купеческих лавок (вроде бы на Кашинской улице) висела такая вывеска: «Вод дак калбаса вкусна и петательна».

Еще она поведала такой случай. Одна молодая богатая купеческая пара отправилась за границу. В Германии в железнодорожном вокзале оставили пустой чемодан. Побывали во Франции. Италии. В Италии были приняты Папой Римским, целовали его туфлю. На обратном пути зашли в вокзал, и нашли свой чемодан на том же месте, где его оставили.

В старину, чтобы запомнить знаки, учили такое выражение:

Ер, еры упал с горы.

Ер, ять –

Некому поднять,

Ер, юсь –

Я и сам поднимусь.

К бабушке приходили ученики старших классов, и она помогала им решать задачи. По переулку Чернышевского стоял бывший дворянский дом №34, а по улице Льва Толстого – дом № 51, здесь когда-то находилась синагога, потом была школа, а сейчас – жилой дом.

В 1870 году около Бежецка провели Московско-Виндаво-Рыбинскую железную дорогу. Когда в Бежецк пришел первый поезд, бежечане высыпали на перрон и с удивлением смотрели на это чудовище, изрыгающее огонь, дым, пар. Интеллигенция сразу приняла это чудо с одобрением. Купцы посмеивались в усы, поглаживая бороду, но особого энтузиазма не выражали. А вот мешане явно не симпатизировали этому новшеству, говорили, что это дьявол. Потом железная дорога прижилась, и бежечане с удовольствием ездили по ней, не опасаясь огнедышащего «дьявола».

В 1895 году появилось еще одно замечательное изобретение. А.С. Попов изобрел первый в мире радиоприемник. Через некоторое время в Бежецке на балконе углового дома № 67/11 по улице Большой (там был установлен радиоприемник) собрались бежечане, чтобы послушать разговор из другого города. Началась передача, зазвучал голос диктора... Бежечане не хотели верить. Они стали кричать, что кто-то прячется за дверью и ведет разговор...

Бабушка рассказывала много историй, связанных с жизнью бежецкого общества. Вот одна из них. В одной богатой купеческой семье росли две дочери: младшая Даша 12-ти лет, а старшая Любаша лет 17-ти – настоящая красавица.

Много молодых людей за ней ухаживало, но она никому не отдавала предпочтения. Но вот в Бежецке появился молодой человек приятной внешности. Он прекрасно говорил по-французски и плохо по-русски. Барышням он нравился. Любаша, повстречав француза на одном из вечеров,

влюбилась в него. Родители отнеслись к этому знакомству недоброжелательно, они не знали, какого он роду-племени. Молодые люди тайком уехали во Францию. В Париже он оставил Любашу якобы у своих родственников, чтобы потом ехать к его родителям. Прошел день – он не появился. А на второй день в комнату к Любаше вошла мадам и объяснила ей, что она продана и находится в доме терпимости. Девушка пришла в отчаяние, пыталась убежать, но тщетно. Так прожила там Любаша несколько месяцев. Как-то, войдя в вестибюль, Любаша услышала русскую речь. Обернувшись, увидела человека, по виду купца, с русыми волосами и голубыми глазами, лет 30. Она подошла к нему и рассказала, что с ней произошло, умоляла его выкупить ее и отвезти на родину, деньги, мол, родители потом вернут. Купец пожалел Любашу, выкупил ее и привез в Бежецк (сам он оказался из Твери), а через два месяца женился на ней.

На улице Введенской в доме № 34 жил замечательный фотограф Петр Михайлович Дружинин. Он прожил долгую жизнь (1880-1969 гг.), полную событий. Посвятил всю свою жизнь фотографированию. В Бежецке у старожилов или их родственников сохранилось много уникальных исторических фотографий старого Бежецка. Фотографировались у него и наши родные, мы сами, группы учащихся, коллективы учреждений. В Великую Отечественную войну часто снимались на мини-фотографии размером 3 см на 3, 3 см на 2.

Дружининский дом с мансардой расположен в глубине сада. Вела к нему утоптанная дорожка. Входили на высокое, широкое крыльцо, затем в приемную, громко звенел колокольчик. Выходил Петр Михайлович Дружинин, оформлял квитанции (позднее этим занимался его брат). Поднимались по крутой деревянной лесенке в мансарду. Там висели полотна, сверху струился свет, так как потолок состоял из стекол. Он раздвигал полотна, сажал на стул, фотографировал. Была у него жена, помощница по дому, росли сын и дочь. Бабушка была хорошо знакома с Дружининым. Умер у него брат, жена. Последние годы он жил одиноко. В 2000 году в бывшем доме Дружинина произошел пожар, мансарда сгорела...

Мы любили сидеть на широком крыльце нашего дома, шутили, смеялись, рассказывали новости. Если двое-трое ребятишек появлялись с большими кусками ржаного хлеба, помазанными постным маслом (льняным) и посыпанными крупной солью (бузуном), то через несколько минут на крыльце с такими же кусками хлеба сидело уже человек двенадцать.

Во втором классе у нас появились горячие завтраки. Организовала их бабушка ученика Вити Соколова. Под ее руководством готовили такие вкусные супы, с приправой. Но через год Витя с бабушкой уехали. И завтраки, как и раньше, приносили из дома: бутылочку молока, булочку, лепешку или бутерброд с вареньем, маслом, салом. В старших классах покупали в буфете слоенки (плюшки) по 12 копеек и по 24 копейки.

Летом по утрам бабушка брала нас с подружками на Остречину. Мы шли мимо домов Лесникова, Брянцевых, мимо Липовой аллеи и выходили к крутому берегу реки. Там росла чудесная изумрудная травка. Потом берег реки заняли огородами, построили дома, появилась березовая роща. Бабушка называла травы, в том числе лекарственные (мяту, валерьяну). Мы смотрели на манжетник, а в нем серебряная капелька росы переливается под лучами солнца разноцветными огоньками, словно драгоценный бриллиантик. Росинку выпивали. Чудо!

Приходим на глинку. Входим в воду. А она такая прозрачная! Плышет солидный жук-плавунец, большой, черный. Водомерка скользит по гладкой поверхности воды. Видны разные жучки-паучки. А вот стайка маленьких серебристых рыбок - мальков. Стараемся их поймать, а, поймав, отпускаем.

После купания, освежившиеся и бодрые, бродим по берегу реки и лобуемся пестрыми бабочками. А какие стрекозы! Стрекоза с зеленым брюшком и прозрачными крылышками. Стрекоза с синими крылышками и синим брюшком. Большие стрекозы с коричневым брюшком – мы их прозвали «шоколадками». Поймав стрекозу, сажали ее на палец – она кусала своими «мощными» челюстями. Вот редкий замечательный жук-бронзовик, зеленого цвета с бронзовым металлическим отливом и золотым брюшком...

В погожие летние дни с бабушкой ходили за грибами. Проходили Рабочий городок (бывший женский монастырь), березовую аллею, прямиком шли в Шолменскую рощу. Быстро набирали грибов полную корзинку. Иногда заходили в Жоховскую рощу. Сидели на берегу Остречины, перебирали грибы и радостные возвращались домой.

Папа несколько лет работал в лесничестве. Получал часть зарплаты деньгами, часть продуктами. У нас в общей кухне стоял мешок ржаной муки и бельевая корзина вяленой воблы. Из ржаной муки пекли лепешки, сочни с творогом. Воблу мама меняла на молоко, масло, крупу.

...На зимних каникулах как-то после обеда забежала я к подруге Лоре. Поболтали о том, о сем, посмотрели открытки в альбоме. Она сыграла на пианино «Турецкий марш», «Шествие гномов», веселые песенки. Незаметно наступил вечер. Пришли родственники Лоры. Анна Арсеньевна (мама Лоры) топила печку. Мы уютно устроились около. Стали рассказывать смешные истории. Незаметно перешли к историям о привидениях, покойниках. Часы пробили 9 часов вечера. Я заторопилась домой. Оставляли ночевать, но я отказалась, так как дома будут беспокоиться, да и до дома рукой подать.

Вышла на улицу. Мороз. Ярко светит луна. Кусты покрыты серебристым инеем. Снег блестит и переливается огоньками. Сказка! Снег хрустит под ногами. Иду быстро, а в памяти истории о привидениях. Прохожу мимо церкви. Колокольня осталась в стороне. Подхожу к сторожке и слышу жалобный скрип – на колокольне лист железа оторвался и скрипит. Насторожившись, прислушиваясь, подхожу к колодцу. Слышу – кто-то крадется за мной. И вдруг – о, ужас! – на плечи мне легли когтистые лапы, все в шерсти. Волосы на голове зашевелились. От страха присела. Что-то теплое и мокрое коснулось моего лица. Открыла глаза, смотрю: а это Джек – Лорина собака! Видимо, после моего ухода ее выпустили погулять. Медленно поплелась к дому, который светился огоньками окон. Рассказала папе и маме, а на другой день бабушке. Выслушав, бабушка произнесла: «У страха глаза велики».

Валентина Ивановна Ревякина последние 30 лет работала в банке контролером. В годы войны ей приходилось в 12 ночи ходить в банк, пересчитывать деньги, ставить свою подпись, и в 3 часа ночи она шла домой, а в 9 утра снова на работу.

Однажды вышла она из банка в 3 часа ночи (банк тогда находился на улице Садовой наискосок от бывшего кинотеатра «Красная звезда»), по большой улице заспешила домой. Конец октября. Светит луна. Мороз. Лужи

затянуты тонким ледком. Тишина. И вдруг она услышала чьи-то шаги. Увидела, что к ней приближается мужчина с топором на плече. Ее пронзил страх. Она сделала огромный шаг навстречу и грозным голосом спросила: «Гражданин, что вам от меня нужно?!» Он посмотрел на нее и тихо ответил: «Ничего, гражданочка, не надо. Хотел узнать, сколько времени». И пошел прочь.

Как-то в годы Великой Отечественной войны произошел такой случай, который потом рассказывали как анекдот.

Один шофер из Моркиных Гор по делам поехал в Бежецк. Сосед попросил его захватить гроб: умер родственник. Решив все дела, шофер заехал в горпромкомбинат (сейчас на его территории находится «Прометей»), захватил гроб, выехал из Бежецка. За Штабом какой-то старичок попросил подвезти до Бережи. Забравшись в кузов, старичок сел на гроб. Едут. Пошел хлопьями снег. Старичок и забрался в гроб, оставив щелочку для дыхания. Проехали километров пять. У какой-то деревни попросили подвезти колхозницы. Сели на гроб, семечки шелкают, смеются. И вдруг услышали стук из гроба. Вскочили. Крышка гроба сдвинулась, оттуда вылез весь взъерошенный старичок. Женщины от испуга бросились за борт грузовика. Кто отделался ушибом, кто подвернул ногу, а кто и руку сломал. Вот так бывает.

В 30-е годы на Советской площади находился торгсин (где швейная фабрика). В помещении с высоким потолком по бокам стояли витрины с продуктами высокого качества. Торговля шла на золото. Приходили покупатели с колечками и цепочками из золота. Щипчиками отделяли часть золота и давали за этот кусочек продукты.

Перед войной открылся клуб ГАРО. Там проходили спектакли, концерты, выступления учащихся (олимпиады). Приезжали артисты из Калинин, Кимр, Великих Лук, Вышнего Волочка. Какие замечательные спектакли ставили, с богатыми костюмами и декорациями! По вечерам торопились в клуб на танцы. Входишь в вестибюль, раздеваешься, открываешь дверь и входишь в зал. С восторгом смотришь вокруг. Играет духовой оркестр. Яркий электрический свет. Сразу вливаешься в массу танцующих. Улыбки, взгляды, свидания...

Ходили в кинотеатр «Красная звезда». Какие чудесные фильмы шли, какие артисты играли, а песни какие содержательные, мелодичные!

Летом ходили в горсад на танцы. Кроме танцплощадки, там в низине находился летний театр. Танцы мы посещали почти каждый день. Время было трудное, с финансами туговато. И мы шли на хитрость. В конце горсада сбоку проходили овраг и ручей. Туфли снимали. Перейдя ручей, надевали — и оказывались на танцплощадке.

В 1941 году в июле мобилизовали моего папу на войну, а в феврале 1942 года пришла похоронка. Так было тяжело и горько!

Бабушка моя, Екатерина Васильевна Ревякина, прожила долгую жизнь. Умерла в 1952 году 87-ми лет спокойно, тихо, полежава два дня. Мы сильно горевали. А в 1958 году умерла моя мама. Но все, что они мне дали, осталось со мной навсегда.

А закончить хотелось бы словами бежецкого поэта Галины Волоховой (Кукушкиной):

*Над Мологой закаты плавают,
В сумрак падая голубой.
Пусть кому-то столицы нравятся,
Я же, Бежецк, всегда с тобой!*

Кузьмина Е.Г.

НЕБОЛЬШИЕ ИСТОРИИ: ИЗ ДЕТСТВА И О МИЛОМ БЕЖЕЦКЕ

Когда бабушка Екатерина Васильевна Ревякина с дочерью Валентиной Ивановной жили в доме Галуновых (пл. Революции, 21), к ним приходил соседский мальчик Вадик лет пяти. Он говорил басом, растягивая слова. Вадик приходил слушать бабушкины сказки.

Как-то он пришел, а бабушка только растопила печку и говорила сама себе: «Ну, пошла писать губерния...» То есть, печка растопилась. Вадик сел на скамеечку у печки. Минут через пять он пришел на кухню к бабушке и сказал: «Бабушка Катя, а губерния-то не пошла писать». Бабушка ответила, что сейчас поправит. Взяла бересты, щепочек, и в печке снова весело зашумел огонек.

Когда бабушка рассказывала сказки, она прибавляла к ним пословицы и поговорки. Я запомнила такие:

«Где работа, там и густа, а в ленивом доме пусто».
«Для милого дружка и серезка из ушка».
«Не пила бы и не ела, все на милого глядела».
«Видно милый разлюбил, прежде раньше приходил».
«Будь здорова, моя черноброва».
«Молодой человек приятной наружности, три метра в окружности».
«Распоясался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка».
«Как на ярмарке я был, знать другой тебя любил».
«Смеяться, право, не грешно на то, что, кажется смешно».
«Нельзя ли для прогулок подалее выбрать закоулочек?»
«Будет дождичек в четверг на сухую пятницу».
«Будьте как дома, но не забывайте, что вы в гости».
«Мы тронуты и даже с места сдвинуты вашим вниманием».

«Дело ясное, что дело темное».

«Наши дома смяты, а я, бедная, маюсь».

«Завтра – завтра, не сегодня – так ленивцы говорят».

«Тонкий намек на толстые обстоятельства».

«Где работает этот человек? Он «старший помощник младшего дворника».

«Как на Мойке на канале нашли труп без головы. Пока голову искали, ноги встали и ушли».

Однажды мы с бабушкой пошли в магазин №16 на улице К.Маркса (теперь Большая). Раньше этот магазин принадлежал купцу Постникову. По

улице неровными прыгающими шагами, размахивая руками, шел мужчина и что-то говорил себе под нос. Я смотрела во все глаза, тогда увидеть пьяного на улице можно было крайне редко. Бабушка улыбнулась и проговорила: «Правая, левая где сторона? Улица, улица, ты ведь пьяна!»

До школы у меня были две подружки. Рита Луковникова, которая жила в собственном доме на улице К.Маркса (теперь Большая, 23), и Римма Аксакова, жившая на площади Революции в доме 20.

Через дорогу от нашего дома, на углу Введенской и площади Революции, стоял большой кирпичный дом. В начале 20-ых годов он сгорел. От него осталась большие ворота со стороны улицы Лассалья (теперь Введенской), гряда кирпичей и елочка маленькая, которая теперь выросла и превратилась в большую ель. Ворота исчезли от ветхости. Остался забор и гряда кирпичей. Потом и они исчезли. Семья Аксаковых снимала в глубине площади маленький флигель. Он был уютный и приветливый, с палисадником, полным цветов. Его хозяева – старoverы жили где-то в Сибири. Входишь в сени с окном во двор (сейчас окно выходит на площадь), дальше прихожая, направо кухня с итальянским окном, выходящим в сад, налево столовая. Ее окна выходят на площадь. Большое место в столовой занимал черный рояль, были также шкаф, стол, стулья, фикусы в кадках. Из столовой дверь в небольшую спальню с изразцовою лежанкой. Нас восхищал и удивлял большой портрет очень красивой женщины в голубом шелковом платье со светлыми вьющимися волосами. Это был портрет мамы Риммы – Марии Алексеевны. Написал его папа Риммы. Он был юристом в Бежецке, играл на рояле. Римма выделялась среди подруг хорошими манерами, рассудительностью. Она была тихая, спокойная, аккуратная, и все взрослые ставили ее нам в пример. Мы играли в куклы, лото, раек, в прятки, собирали камешки, осколки от чашек и блюдец. Любили их рассматривать, обменивались.

У забора росла бузина. Мы любили сидеть на ней. Бродили среди крапивы, вдыхая ее терпкий запах и, обжигаясь, собирали с крапивы золотых куколок бабочки крапивницы. Мы клали их в спичечные коробочки, в которых продавались отверстия. Весной из куколок появлялись бабочки крапивницы. Но не всегда. Иногда куколки высыхали и разваливались, на других

набрасывались мелкие червячки. А однажды у меня вместо бабочек в двух коробочках появились большие и страшные черные мухи с черными прожилками крыльев.

Зимой мы катались с горки на санках. Часто бегали кататься на Лесникову горку около моста через Остречину или просто возили друг друга на санках. Санки у нас были сплетенные из прутьев, с задком, с деревянными полозьями и прибитыми к ним металлическими полосами. Катались и на коньках, прикреплённых к валенкам веревочками с палочками. По вечерам на катке на стадионе завода ГАРО (теперь АСО) гремел духовой оркестр. Построили этот замечательный стадион на берегу Остречины. В будни летом там шли тренировки, а в праздники и в воскресенье проходили соревнования в беге, прыжках в высоту, длину, футбольные баталии. Обязательно играл духовой оркестр. Люди танцевали. Такие дни проходили торжественно, весело и интересно.

Зимой любили лазать по сугробам. Заводилой была я. За это родители меня ругали.

Однажды в солнечный октябрьский день мы сидели в саду у Риммы за столиком на скамейке. Вспоминали лето, разные веселые истории. И вдруг на стол с яблони упало большое красное яблоко. Мы пришли в восторг. Разделили его на три части и с аппетитом съели.

Одно время с нами дружила красивая девочка нашего возраста, дочь турецкого торговца. Она плохо, но говорила по-русски. Однажды нас пригласили на ее день рождения в дом №27 на улице К.Маркса (в дом Абаловых). Наверху они жили, а внизу торговали. Торговали они и в доме Репиных (№21 на улице К.Маркса) Угощали нас чаем со сдобными булочками, баранками, розовыми пряниками, всевозможными вкуснейшими пирожными, конфетами и другими сладостями. Через некоторое время осложнились политические отношения, и турецкие торговцы уехали.

Перед школой Римма и ее родные тоже уехали. Мы сильно тосковали по ней, часто вспоминали. А встретились мы с Риммой только в 90-ые годы, через 57 лет. К нам пришли две интеллигентные женщины. Одна – всеми уважаемая и известная Вера Сергеевна Кузнецова, заслуженная учительница русского языка и литературы школы №2. Другая улыбнулась, и я по улыбке узнала Римму Аксакову. За чашкой чая вспоминали о нашем детстве, говорили о семьях, об общих знакомых. Живет Римма в Вышнем Волочке. Она окончила педагогический институт и много лет преподавала русский язык и литературу. У нее дети и внуки.

Рита Луковникова окончила институт имени Плеханова. Три года проработала по распределению, а потом уехала в Южно-Сахалинск. Там она работала товароведом, получила квартиру, вышла замуж, вырастила сына.

В 30-ые годы обычно в конце марта на реках Мологе и Остречине проходил ледоход. Особенно бурно он проходил на Остречине. Бежечане всегда спешили посмотреть, как идет лед. Еще издали слышался шум разбивающихся льдин. Собиралось много народа. Большие льдины неслись по реке, сталкивались, кружились, насакивали друг на друга, нагромождались и ударялись в быки моста. Зрелище было грандиозное! Прошли годы, бурного ледохода не стало.

Как-то мама с папой ехали из Ленинграда в Бежецк. В купе на боковой стенке они увидели надпись карандашом: «Еду один-одинешенек». Под ней другая: «Еду одна-одинешенька». Папа взял карандаш и написал: «Едем вдвоем к теще на блины».

Одно время папа работал в лесничестве. У него был друг Гаврила Иванович, по национальности карел. Он жил около поселка Максатиха, имел крепкое хозяйство: корову, свинью, кур, гусей, уток, индюка с индюшками,

пасеку. Как-то зимой мы приехали к нему в гости на несколько дней. Кругом стоял сосновый бор. Я вышла погулять. Мне исполнилось два года. Одетая была в длинную шубку. Во дворе гуляли индюк с индюшками. Индюк бросил индеек, распустил крылья и хвост и стал ходить вокруг меня. Все весело смеялись.

В один из приездов в Бежецк Гаврила Иванович зашел к нам. После обеда он попросил, чтобы его племянница Дуняша летом пожила у нас. Мы ей покажем город, а она поможет нанять Лёлю. Дуняша оказалась девочкой проворной, работающей и доброй. Ей было 11 лет. Волосы светлые, глаза голубые, на носу веснушки. Однажды мама узнала, что у Гаврилы Ивановича приближается день рождения, и он собирается к нам. Мама попросила Дуняшу научить ее поздравить Гаврилу Ивановича с днем рождения и пожелать ему здоровья по-карельски. Через два дня поздравление по-карельски было готово. И вот входит Гаврила Иванович. Только переступил порог, мама начала его поздравлять. От удивления он открыл рот и долго не мог его закрыть, покраснел, а потом закричал: «Это Дуняшка вас научила! Где она?» А Дуняшка исчезла. Ее как ветром сдуло. Оказывается, она научила маму не поздравлению, а неприличному ругательству на карельском языке.

У нас были две небольшие, небогато обставленные, но уютные комнатки. Иногда к нам заглядывали мамы и папины друзья. Мама умела быстро и вкусно приготовить. Вина в будние дни на стол не подавалось. Готовили обед и чай с выпечкой (пирожки или булочки, печенье). Вино подавалось в праздничные дни, обычно портвейн или кагор.

За обедом папа рассказывал свежие анекдоты. Например, такие: «Шли двадцатые годы двадцатого века. После Мировой войны и Гражданской в стране царил разруха, голод, нищета и воровство. К Вячеславу Михайловичу Молотову, в то время секретарю ЦК ВКП(б), позднее министру иностранных дел, приехал посол из Англии. После официальной беседы посол, между прочим, обратился к Молотову: «Говорят, у вас в стране такое воровство, что на ходу подошвы с сапог срезают». На это Молотов ответил: «Ну что вы, господин посол!» На другой день после приема и официальной беседы в кинозале смотрели новый фильм. Молотов на пиджаке у посла увидел красную шелковую ниточку. Он машинально взял ее и стал мотать клубочек... Смотал и положил в карман. На другой день к нему в кабинет вбегают взбешенный посол и говорит: «Вот теперь я верю, что у вас на ходу подошвы срезают. Вчера, пока я смотрел кинокартину, с меня сняли шелковые трусики!»

Другой анекдот тех лет. «Две украинки торговали семечками. Бойко торговали. Вдруг одна полезла в карман и заплакала. Деньги украли! Другая стала ее учить: «Ты ховай, как я ховаю». А через пять минут как закричит: «Украли...»

НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ ДЕТСКАЯ ЛОГИКА

Когда семья Ревякиных жила в доме Шустовых на Кашинской улице, муж Екатерины Васильевны умер. Без кормильца жить стало трудно, поэтому за

городом был взят участок земли в аренду. Обрабатывали его сами. На помощь часто приходили племянницы Александра Сергеевна и Валентина Сергеевна Назаровы. Выращивали картофель, капусту, огурцы. Часть урожая оставляли себе, часть продавали.

Осенью у деревенских ведрами закупали бруснику, которая стоила очень дешево. Ее парили или мочили, иногда с антоновскими яблоками.

Вспоминая бабушку Екатерину Васильевну Ревякину, я всегда вижу ее за работой. Что-то она готовит, шьет, стирает или вяжет. В свободное время бабушка любила читать книги или газеты. Добрая, отзывчивая, Екатерина Васильевна всегда стремилась помочь людям. Часто приводила в дом нищих, кормила их, поила, говорила ласковые слова.

Много раньше, когда Ревякины еще жили в доме Шустовых, к ним в гости заезжал знакомый ямщик из соседней деревни – Василий Ильич. Бабушка тогда ставила большой самовар, на столе появлялись баранки, ситный хлеб, булочки. Ямщик снимал шапку, крестился на икону и садился за стол, не снимая верхней одежды. После первых трех стаканов чая он развязывал пояс и снимал шарф. Еще через несколько стаканов снимался, наконец, полушубок. Чай Василий Ильич наливал из стакана в глубокое блюдце, громко откусывал маленький кусочек сахара и пил. Когда допивался последний стакан, Василий Ильич переворачивал его, ставил на блюдечко, а оставшийся кусочек сахара клал на донышко перевернутого стакана. За чаем он рассказывал бабушке деревенские и бежецкие новости. Выпив весь самовар, вставал, благодарил, крестился и отправлялся домой в деревню. Как-то за самоваром Василий Ильич рассказал историю с пятачками, которая произошла в их семье.

Его сын Ванятка был русоголовым и голубоглазым, шустрим мальчонкой лет пяти. Однажды, увидев как дед что-то мастерит, он подошел и принялся ему помогать: держал доски, убирал стружку. За это дед Илья дал ему пятак. А пятак в то время для мальчонки был деньгами немалыми. Буханка ситного стоила две копейки, и вкуснейший фигурный пряник – тоже две. Ванятка обрадовался, зажал пятак в кулачке и бегал с ним, всем показывал. На другой день дед нашел его плачущим: «Дедуня, я пятак-то потерял...» Сказал – и пуше в рев... Дед принялся его утешать: «Потерял – беда, конечно, но ты не реви, раз помогал мне, на-ка, я тебе другой пятак дам!» И дал. Ванятка успокоился, однако через час вдруг снова заревел. «Сейчас-то о чем?» – спросил его дед. «Да, деда! Этот пятак да тот – было бы два пятака!» И снова горький рев наполнил избу! Дед не выдержал: «Ну будя, будя, на еще пятак, только не реви!» Но внука было не остановить «Вот, – считал он, глотая слезы, – если бы тот пятак да еще два, стало бы у меня три пятака!...»

Понял дед Илья, что внука успокоит только потерянный пятак, поэтому принялся сам и родных заставил искать первый Ваняткин пятак. Не нашли. Монетка как в воду канула! Выручила хитрость. Утром уже четвертый пятак дед положил в шелку у порога. И как только внук проснулся, позвал его: «Ванятка, подь сюда! Посмотри-ка, что там в шелке виднеется? Я чтой-то плохо вижу...» Ванятка примчался, достал из шелы пятак и восторженно закричал: «Вот он, деда, вот он мой первый пятак!»

На этом история с пятаком закончилась. И сам рассказчик, и бабушка, и все, кто был в комнате, весело смеялись над Ваняткиным горем. А на Рождество ему в подарок послали книжку с картинками «Русские народные сказки».

НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ РЕВЯКИНЫ – МЛАДШИЕ

Все в семье Ревякиных много читали. Книги по своим профессиям, художественная и популярная литература были постоянными спутниками их жизни. Особенно любили И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, обожали А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, зачитывались А.П.Чеховым. Прочитанное обсуждали, а басни И.А.Крылова даже разыгрывали. Участие в благотворительных акциях для бедных все члены семьи считали для себя обязательным.

По вечерам все обычно собирались в гостиной. Звучали пианино, гитара и балалайки, пели любимые песни и романсы.

У каждого члена семьи Ревякиных было свое увлечение. Александра Ивановна (старшая дочь), окончив медицинский институт в Санкт-Петербурге, осталась там жить. Свою работу она очень любила. Была знакома со многими известными людьми той России, например с С.Я.Маршаком. В свободное время с родственниками и знакомыми ходила в оперу, театр, любила балет и, конечно, кино. Как и все Ревякины, она очень много читала. Еще в детстве Александра Ивановна увлеклась выжиганием по дереву, изготовлением ваз и шкатулок, картин из подручных материалов. Уже взрослой она выжгла дверцы буфета. Все были в восторге. Свои картины она мастерила из ... крупы. Брала деревянную тарелку (тогда их продавали), края покрывала половинками желудей, покрашенными светло-коричневой краской. Внутри тарелка покрывалась крупой, покрашенной голубой краской - там, где была «вода» и зеленой где «росли» трава, камыши и высились кочки. В центре этого великолепия стояли вырезанные из открыток и журналов цапли в окружении белых лилий. Из тканей Александра Ивановна предпочитала лен. Из него шила свои платья, костюмы и кофточки, по нему вышивала гладью и крестом.

Ее сестра Валентина Ивановна, закончив Санкт-Петербургские высшие Бестужевские курсы, стала учителем. Вначале она преподавала в начальных классах, затем в старших биологию. Вернувшись в Бежецк, она поступила преподавателем биологии в женскую гимназию. В советские времена Валентина Ивановна много лет проработала контролером в банке. Первая профессия сохранилась в ней в виде увлечения – собирания и изготовления гербариев растений и коллекций бабочек и жуков. Валентина Ивановна страстно любила лошадей. До революции, когда семья жила в доме Шустовых, у нее в конюшне стояла своя лошадь по кличке Стрелка. Валентина Ивановна сама ее кормила и поила, чистила, убирала. Наградой за ее труд была любовь Стрелки и частые прогулки верхом за город. После смерти отца лошадь пришлось продать. На смену ей пришел модный тогда дамский велосипед.

Владимир Иванович занимался проектированием домов. В свободное время он любил мастерить табуретки, стулья, этажерки. Однажды он сделал кушетку, которая впоследствии оказалась в нашей семье и считалась предметом роскоши, так как в 20-30-ых годах кушетки и диваны еще редко у кого имелись.

Моя мама Антонина Ивановна, окончив гимназию, двенадцать лет проработала учителем начальных классов на селе. Затем у нее что-то случилось с горлом, иногда пропадал голос. Врачи посоветовали сменить работу. Мама стала секретарем-машинисткой, делопроизводителем. Много лет она проработала в сельхозснабжении.

Главным маминим увлечением были открытки. Теперь это называют филочартией. Открытки она покупала, их дарили, присылали родные и

Валентина Ивановна
и любимица Стрелка

Валентина Ивановна
на дамском велосипеде

знакомые. Главными темами ее коллекции были города России, портреты знаменитых писателей, художников, артистов, особый раздел составляли романтические открытки.

Мама была младшей в семье Ревякиных. А уделом младших в те времена было донашивание вещей старших. Из особо памятных вещей мама называла строгое белое шерстяное платье, сшитое из платья старшей сестры. Из кружевного платья другой сестры были выкроены воротник, манжеты и баска для другого также нарядного платья.

В молодости мама любила путешествовать по городам России. С группами учителей она не раз спускалась на пароходе от Москвы до Астрахань и поднималась обратно. Из этих путешествий привозились не только впечатления, но и, конечно же, открытки с видами Волги и приволжских городов.

В 1911 году вместе с подружкой мама отправилась в Финляндию на водопад Иматра. До Хельсинки добрались на поезде. Затем наняли пролетку с кучером и отправились к водопаду. Выбранный маршрут оказался давно обустроенным. Сначала ехали лесом. Через какое-то время кучер предложил перекусить и подвез их к крестьянскому дому. Дверь не заперта, на столе стояло молоко в кринках, лежал свежий хлеб. Кучер объяснил, что можно перекусить, только не надо брать с собой, чтобы следующие путники не пришли к пустому столу. К вечеру прибыли к Иматре. Ночевали в гостинице. Утром позавтракали в ресторанчике кофе с булочкой. Маме этого оказалось мало, и она попросила еще кофе с булочкой, собралась заплатить, но официантка объяснила, что вторая порция бесплатная...

И вот они на водопаде. Картина открылась грандиозная! Вода падала с высоты около 20 метров, внизу вскипала столбами искрящихся брызг, глухо и грозно ревела... Брошенные в водопад бочки разлетались в щепки! Эти впечатления у мамы сохранились на всю жизнь.

НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ НАШ КОММУНАЛЬНЫЙ ДОМ

Наш коммунальный дом вел кипучую жизнь, особенно летом. На каждой ступеньке большого широкого крыльца, как воробушки, сидели обычно ребята всевозрастные. Вспоминаются наши веселые игры в лапту, чижика, шандарт, раек, в прятки, в казаки-разбойники. Девочки виртуозно скакали через скакалку, мальчишки ловко ходили на ходулях. Пробовали и мы, но у нас не получалось.

Вечером старушки выносили стульчики на крыльцо и тихо вели свои нескончаемые беседы. А молодежь шла гулять в скверик имени Ленина.

Весь дом знал о событиях в мире, в городе и, конечно, в нашем доме.

В коридоре у каждого стоял свой стол. На столе теснились примус, самовар, обеденная и чайная посуда, ведра с водой. И никогда ничего ни у кого не пропадало. Но вот однажды произошел случай, о котором весь дом потом говорил неделю.

К жильцам на первом этаже пришли гости. Пообедали, поставили самовар, чтобы угостить гостей чаем с пирогами. Через какое-то время соседка вышла в коридор посмотреть, не поспел ли самовар, а его нет. Она вернулась и сказала мужу, что самовар «ушел»... Так обычно говорили, когда самовар закипал и вода из него начинала плескаться через край. Муж понял сообщение именно в этом смысле и пошел за самоваром, чтобы внести его в комнату и поставить на стол. Однако жена объяснила, что самовар «ушел» в другом смысле – его нет на месте. Тогда муж и еще один родственник выбежали на крыльцо и увидели, как вдоль скверика по улице торопливо идут двое мужчин и несут их еще кипящий самовар. Бросились им вдогонку! Похитители увидели, что их догоняют, поставили самовар и убежали.

Маму и папу как-то летом пригласили в гости. Меня они решили взять с собой. По этому случаю на меня надели нарядное кружевное платье с воланами. Я вышла на крыльцо, спустилась вниз и принялась важно прохаживаться около крыльца. Вдруг слышу, что из скверика кто-то меня дразнит. Я, естественно, помчалась к скверику. Быстро перелезла через забор, однако обидчика не догнала. Тем же путем через забор направилась обратно. И, о ужас! – один волан зацепился за ограду, и оторвался... Я сняла волан с забора и поплелась домой. Родители, увидев мой плачевный вид, ругать не стали, заперли одну в квартире и ушли. Грустная я взялась за свои любимые книжки большого формата, которые мне подарила Мария Николаевна Ревякина. В одной из них был рассказ о мальчишке-шалуне. Его в честь дня рождения одели в нарядную одежду и отправили гулять. Именинник увидел мешок с углем – поднял. Угольная пыль посыпалась на его праздничную одежду... Затем он решил посмотреть, что стоит на полке. Дотянулся до банки с зеленой краской. Та упала, краска залила костюм... Его это не остановило. Он потянулся за другой банкой. В ней оказалась красная краска, которая также оказалась на его костюме. Затем пришел черед бутылки с чернилами... Когда на полке ничего не осталось, шалун погнался за кошкой и схватил ее за хвост. Кошка зашипела от возмущения и оцарапала его. С плачем, малыш побежал домой. Родители его сначала не узнали, затем раздели, усадили в корыто и принялись отмывать... Прочитала я это и решила, что чем-то похожа на мальчика из книжки.

Маленькой маме пела мне колыбельные песенки. Потом их же я пела своим сыновьям, внукам.

*На горе живет Бодай,
Кричит: «Леночку подай!»
Я Бодаю на ответ:
«У нас Лены дома нет...»*

Или.

*В няньки я себе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орел домой,
Солнце скрылось за горой.
Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?»
«Я дитя оберegal,
Колыбельчку качал...»*

НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ БАНЯ – ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ

Коммерческую баню в Бежецке еще в царское время в начале Введенской улицы построила одна богатая женщина Сокольская Ульяна Афанасьевна. Она состояла из отдельных номеров, в которых мылись и парились семьи купцов и мещан. У горожан побогаче за домами стояли свои баньки. Беднота привычно мылась в русских печах. По рассказам бабушки, когда в дом Назаровых по ее душу пришли сваты, она как раз мылась в русской печи.

В советское время, в 20-ых -40-ых годах, баня на Введенской была единственной на весь Бежецк. Поэтому в двух женских отделениях всегда были очереди в четыре ряда: скамейки стояли по сторонам всего длинного коридора, да еще в центре в два ряда... Мужская половина также состояла из двух отделений. Когда народу в них набиралось мало, одно мужское отделение обычно занимали женщины. В банных очередях были свои правила, но и свои маленькие хитрости. Очередь занималась на себя и еще одного человека, который вот-вот подойдет... Когда мимо проходила подружка, ее останавливали и говорили, что она здесь стояла... Также иногда занимали очередь и на меня.

Как-то нам сообщили, что в бане нет очереди. Мы, конечно, помчались. Помылись. А когда уже одевались, в отделение вошла перепуганная старая женщина в нижнем белье и с узелком в руках. Мы, конечно, спросили, что с ней произошло? «Ахти, мылье! Пришла я из деревни помыться в городской бане. Баню нашла, билет купила. Спросила у кассы мужчину, где здесь можно помыться? Он улыбнулся и указал... Я пошла и стала раздеваться. Вокруг люди чему-то смеются, но я о своем думаю. Тут подошел банщик и сказал, что я не туда попала. Огляделась, все вроде нормально, вокруг как и положено люди голые, но только почему-то ... не того фасона. Схватила я бельишко и сюда прибежала.

Позже, когда построили бани на Рыбинской улице и в поселке Сельмаш, в старой бане стало попросторней, а в дни нашей юности в ней набиралось

очень много народу. Стояла духота. Но мы были молоды, и все нам было нипочем. Говорили без остановки обо всем на свете, конечно и о мальчиках. Кто кому нравится, кто за кем ухаживает.

НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ МАЛЬЧИКИ, ШКОЛА, ВОЙНА

А мальчики наши тогда были скромные, тактичные. Одевались не ахти как, как и мы впрочем. Время было такое, военное. Никогда я не видела наших мальчиков курящими, тем более выпившими. И девочки были другими. Косметикой мы не пользовались. Ценили естественную красоту и никому не завидовали.

Жили открыто, просто и мило. Посещали кино, театр, танцы под духовой оркестр или баян. Очень много читали. По радио слушали спектакли, оперы,

песни советских композиторов в исполнении известных певцов Козловского, Лемешева, Руслановой, Шульженко, Утесова, Печковского, Виноградова, Козина, Юрьевой и других. Как задушевные были песни военных лет! «Катюша», «Огонек», «Землянка», «Темная ночь», «Офицерский вальс», «Враги сожгли родную хату» и другие. Шли мы в школу, а из репродуктора гремело «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!...» Это придавало нам бодрости, укрепляло веру в победу.

В 9 - 10 классах наших мальчиков взяли в армию. Одних быстро обучили и отправили на фронт, других увезли на восток. Мы их продолжали считать мальчиками, а не воинами, но некоторые из них домой не вернулись, погибли...

Е.Г.Кузьмина, 1940 г.

НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ СОСЕДИ

В нашем двухэтажном доме №13 по улице Лассалья имелся подвал. В нем находилась мастерская хозяина дома А. Яшина. В начале 30-х он закрыл свою мастерскую, и ее помещение на некоторое время опустело. Затем в боковой комнате подвала появились жильцы: старая чета Солнцевых – Семен и Анна.

Их отчеств я не помню, так как мы их звали дедушка Семен и бабушка Анна. Их комната имела два оконца у самой земли и большую русскую печь, которая занимала половину всего помещения. Обстановку у Солнцевых была крайне скудная. У задней стенки стояла широкая кровать-топчан, покрытая одеялом из лоскутов с подушками в ситцевых пестрых наволочках. Стол, несколько табуреток, тумбочка, в которой хранилась посуда. У входа было вколочено несколько больших гвоздей, на которых висела одежда. Зимой Солнцевы редко выходили на улицу, дед Семен что-то мастерил, а бабушка Анна хлопотала по дому. Хозяева любили полежать на печи на старом овчинном тулупе. В комнате всегда было чисто. Летом старики выходили погреться на солнышке. В разговоры соседей они не вступали, сидели себе и тихо переговаривались друг с другом.

Мы, детвора, иногда наведывались к ним, рассказывали о новостях города и дома. Они слушали, тихо нам кивали и улыбались. К ним никогда никто не приезжал и не приходил, и они никуда не ездили. Жили тихо и умерли незаметно в конце сороковых годов. Сначала дед Семен, а потом и бабушка Анна.

На первом этаже две большие и солнечные комнаты занимала семья Роговых. Муж был юристом. Жена – высокая и красивая женщина. У них было двое детей: старшая дочь и младший сын Владик лет четырех, мне ровесник. Вместе с ним мы бегали вокруг дома, играли. В жаркое лето во дворе у забора, где имелся клочок зеленой травы, нам ставили деревянное корыто с водой. Мы набегаемся, наиграемся и бултых в воду прямо в своей легкой одежонке! Нам это очень нравилось.

Однажды в воскресенье наши родители отправились в кино. Старшую дочь Роговы взяли с собой, а нас заперли в их квартире, строго наказав вести себя хорошо. Сначала мы поехали на детском трехколесном велосипеде из комнаты в комнату, потом полестили книжки, поиграли с игрушками. А потом наше внимание привлекло зеркало-трюмо с подзеркальником. Посмотрелись мы в зеркало и решили, что наши челки довольно длинные. Решили подстричь. Я подстригла челку Владике, а он мне. Затем увидели на подзеркальном столике бутылочки, коробочки, тюбики помады... На пудру мы внимания сначала не обратили, а вот помада нас привлекла сразу. Вскоре наши губы и брови стали ярко красными, а щеки черными от туши. Всю эту красоту мы полили французскими духами... Когда явились родители, узнать нас было довольно трудно. Сначала они смеялись, но потом, оценив расход косметических средств, естественно, отругали. Нас отмыли, наши прически подровняли, но духами от нас пахло еще неделю. Больше одних нас дома не оставляли. А потом Роговы уехали, и их комнаты заняла семья Кузнецовых.

Вторую большую квартиру на нашем первом этаже занимала семья Франтовых: бабушка Мария Арсеньевна Боткина (жена купца Боткина); ее дочь Екатерина Васильевна Франтова, ее дочери Вероника, Марга и сын Ростя. Марга вышла замуж и уехала в Москву, Вероника уехала в Магадан, а Ростислав погиб в годы Великой Отечественной войны. Третью квартиру из двух маленьких комнат занимали мы. Кухня была общей.

На верхнем этаже жили многодетные семьи Головченко, Румянцевы и Райхер. Семья Райхеров в конце 20-ых уехала, и в их квартиру вселились Шарихины, тоже вскоре ставшие многодетными. В двух небольших комнатах жили учительница Екатерина Максимовна Воробьева и ее дочь Тася.

Новый 1941 год мы с подружками отмечали у Таси Воробьевой. Гадали. Взяли поднос и на нем жгли скомканную бумагу. Пепел образовывал самые

разные фигуры, у кого цветы, у кого-то вышел дом и дорога, а у Таси очень ясно получился танк. Мы понять не могли, почему танк? А летом, 22 июня, началась война. По путевке комсомола Тася ушла на фронт и вернулась домой только после окончания войны.

НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ УКРАИНЦЫ В БЕЖЕЦКЕ

В 1934 году на Украине случился страшный голод. Спасаясь от него, украинцы рассеялись по России. Появились они и в Бежецке, расселились кто где смог. Три семьи появились в подвале нашего дома. Я тогда познакомилась с украинской девочкой Настей. Она была постарше меня года на два, темноволосая, кареглазая и очень спокойная.

Лето. Родители ушли на работу. Я вымыла посуду, подмела пол и вышла погулять. Встретила Настю. Обошли с нею дом. Ребятни нигде не было видно. Отправились во двор. Поперек него были протянуты веревки, на которых вечно что-нибудь сушилось. Одни снимали сухое белье, другие вешали только что выстиранное. Настя предложила покачать меня на этих веревках. Мы выбрали веревку потолще и покрепче, я уцепилась за нее руками, подогнула ноги и повисла. Настя принялась меня раскачивать. Было здорово, но удовольствие быстро кончилось, потому что веревка вдруг оборвалась, и я шлепнулась в грязную лужу. Только брызги полетели!

Такого позора я вытерпеть не смогла и полезла драться. Однако Настя была не только старше меня, но и повыше, и покрепче, поэтому победа вот-вот должна была достаться ей. Я применила ногти, Настя тоже... Наша битва кончилась тем, что взрослые нас разняли, отшлепали и развели каждую в свои апартаменты. Вернувшиеся с работы родители не стали выяснять наши отношения, оставив это нам. А мы несколько дней ходили с болячками, стараясь не замечать друг друга. Но детство не злопамятно, и уже через неделю мы, как ни в чем не бывало, играли вместе. Украинцы нашего дома вскоре уехали на свою родину. С Настей мы простились очень тепло.

НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ ИСТОРИИ ОБО ВСЕМ

В одно из воскресений мама пригласила в гости бабушку, тетю Валю и крестную Марию Николаевну Ревякину, урожденную Коровкину. За чаем, бабушка рассказала случай, который произошел с ее мужем.

Иван Александрович Ревякин с одним бежецким купцом по делам торговли осенью находились в одной из отдаленных губерний. На обратном пути ехали перелесками. Вечерело. Возле особенно глубокой колеи возница

замедлил ход лошадей. И тут, как из под земли, появились два высоченных здоровенных бородатых мужика с надвинутыми на глаза шапками и потребовали деньги. Иван Александрович не растерялся и направил на них револьвер. Мужички исчезли так же быстро, как и появились. Как будто их и не было. Возница перекрестился.

Какое-то время ехали молча, приходили в себя. Молчание прервал компаньон Ивана Александровича. Он поинтересовался, откуда у него револьвер. Иван Александрович улыбнулся и ответил, что никакого револьвера у него нет, а есть ... отвинчивающийся набалдашник трости, очень похожий на револьвер. Повернешь – и он в руке... Все весело рассмеялись. В Бежецк они тогда прибыли благополучно.

Перед войной мы часто прибегали с подругами к бабушке. Она рассказывала нам о своей молодости. А мы, конечно, щебетали о женихах. Помню, как бабушка ласково улыбнулась и сказала: « Женихов будет сто один, а полюбится один». Мы на это весело смеялись.

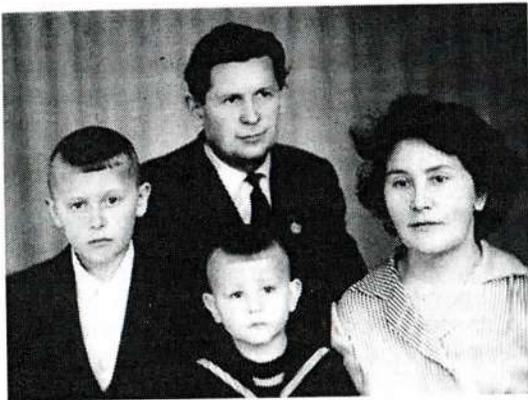
НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ В ДНИ ВОЙНЫ – ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Когда началась война, стало трудно с продуктами, одеждой. На хлеб, сахар, муку и крупу ввели карточки. На рынке ведро картошки стоило 200 рублей, стакан соли – 80. А средняя зарплата составляла 500 - 600 рублей. Поэтому жителям города, у кого раньше не имелось огородов, предложили участки по 2 сотки. Мы с мамой получили землю у старого кладбища, а бабушка с тетей – в конце Кашинской улицы. Урожай с участков стал большим подспорьем для большинства семей. И что удивительно, участки не охранялись, однако никто не выкапывал нашу картошку, не воровал другие овощи, хотя всем жилось очень даже нелегко. Тогда у людей еще были честь и совесть.

Как-то, возвращаясь из школы, мы увидели, на крыльце нашего дома стоял старый седой человек в шляпе. В дрожащих руках он держал скрипку и играл грустную мелодию. Из глаз мужчины текли слезы. Прохожие слушали музыку и тоже плакали. У ног музыканта стояла кошелка. В неё клали кто картошку, кто кусочки хлеба, сухари, деньги. Мужчина кивком головы благодарил. Это был беженец. Время трудное, но кто-то пригласил его попить чайку из сушеной моркови с сахарином.

В годы войны в Рабочем городке произошел сильный пожар. Сгорел жилой корпус. Его жителей расселили в коммунальных домах, уплотнив старожилов. В нашем доме поселили две семьи. У нас заняли одну из двух комнат, так как мы к тому времени уже получили на папу похоронку. На втором этаже комнату взяли у Воробьевых. Обещали, что когда кончится война, комнаты вернут. Так мы с мамой стали жить на 14 метрах.

В наше время богатых женихов да невест не выбирали. Понравилась люди друг другу – поженились. Так произошло и у меня. Мамина комнатка небольшая, поэтому мы с мужем ушли жить на частную квартиру. Получить жилье в те годы было практически невозможно, поэтому, прожив год на квартире, муж перевез из деревни дом родителей, и мы начали его строить

три внука и внучка. Теперь радуемся их успехам, переживаем их неудачи. И такое это счастье, когда вся наша семья собирается вместе!

В ГОСТЯХ У ТЕТУШКИ

Мне помнится, что у бабушки было два брата, Сергей и Николай, и сестра Елена. У старшего брата Сергея Васильевича росли две дочери Александра и Валентина. Старшая Александра – тихая и спокойная. А младшая Валентина (на снимке) нрава боевого, за словом в карман не полезет, подвижная, проворная, смелая, гроза мальчишек.

Однажды Валюша с подружками пошла на берег реки Мологи. Один из мальчишек сказал что-то обидное, она налетела на него, от него «пух и перья полетели», остальные стояли, раскрыв рот. И потом не раз она давала бой обидчикам. Когда Валюша с подружками приходила на речку, то мальчишки кричали: «Звезда Назариха идет!» – и все моментально исчезали.

Валюша окончила гимназию, нрав у нее стал степенный. Среднего роста, изящная, глаза серые, волосы вьющиеся, темные. Отменно готовила. Перед революцией вышла замуж за Михаила Николаевича Голубина, из обедневших дворян. Высокий, стройный брюнет с карими глазами, красив собою. Имел хорошие манеры, прекрасно играл на пианино, хорошо изъяснялся по-французски. Как большинство дворян – честен и благороден.

Младший брат его – Николай Николаевич Голубин – офицер царской армии, красавец. Жил в Петрограде с

наново. Трудностей и лишений хватало, но дом мы построили. К нам из деревни переехали мать мужа со своей свекровью. У дома мы посадили сад. Жили очень дружно. Все трудились, все делилось на всех. И вот уже 50 лет прошло. Мы с мужем отметили золотую свадьбу. Вспоминали молодость, которая прошла как миг. Не заметили, как выросли наши сыновья, и уже растут

любовницей на улице Гражданской в двухкомнатной квартире. Однажды он вышел из подъезда дома, и его застрелили.

Долго и сильно горевали Михаил Николаевич и Валентина Сергеевна. Решили поселиться в Петрограде, в квартире брата на втором этаже трехэтажного дома. Длинный коридор, в который выходили три двери: спальни, столовой и кухни. Большая кухня с плитой. Из столовой дверь вела в спальню. В коридоре стоял сундук, покрытый ковриком, на него садились, чтобы снимать и надевать обувь. Около сундука вешалка. Окна выходили во двор, имевший форму прямоугольника, с выщербленным асфальтом... Дома облупленные, имели три и пять этажей. Во время дождей двор был жалким, унылым, печальным. Четырехугольник серого неба да грязные лужи во дворе. Но когда появлялось солнышко, вид преображался, солнечные лучи облагораживали дома, заглядывали в окна.

Хозяйкой двора была дворничиха Олимпиада Ивановна. Это высокая, полная женщина с голубыми глазами, светлыми волосами, энергичная, добрая и работающая. Она знала всех жильцов, живущих в этих домах. Молодежь звала ее «тетя Липа», а пожилые с уважением – по имени и отчеству. Она всегда была при деле. Утром, в пять часов, открывала ворота под аркой, а в два часа ночи закрывала. Подметала двор, зимой очищала от снега и льда. Помогала старым и неимущим. Хвалила молодежь за хорошие дела и ругала пьяниц и тунеядцев (тогда их было немного). Ее уважали и слушались.

Михаил Николаевич любил с друзьями играть в карты. Сначала играли на мелочь, а потом по-крупному. Играли в покер, преферанс, бридж. В дни выигрыша обстановка в квартире была царская. Мне запомнились малиновые бархатные портьеры с золотой бахромой и кистями. Такого же цвета тахта. Буль черного дерева с инкрустацией серебром и перламутром, персидский ковер, картины, хрустальная люстра и много другого. Но когда Михаил Николаевич проигрывал, то в столовой оставались стол, стулья, табуреты. Остальное исчезало. Карточный долг отдать – дело чести. Однажды тетя Валя серьезно поговорила с ним и сказала: «или-или». После этого он перестал играть в карты. Михаил Николаевич работал главным бухгалтером на фабрике, Валентина Сергеевна – кассиром в аптеке на Садовой улице. Как-то летом Михаил Николаевич вез на фабрику солидную сумму денег, ехал он в трамвае. На коленях у него стоял кожаный желтый портфель. Рядом сидящий пассажир спросил у него время. Михаил Николаевич поставил портфель на пол, достал из жилета карманные часы, затем опять поставил портфель на колени. Приехав на фабрику, Михаил Николаевич открыл портфель и понял, что это не его, портфель подменили, внутри лежали стопки старых газет. Сообщили в милицию. В милиции по фотографии он опознал мужчину, это оказался рецидивист в розыске. На Михаила Николаевича легко пятно, он очень переживал. Но вскоре рецидивиста поймали и деньги вернули. Михаил Николаевич продолжал трудиться на фабрике. В блокаду он умер от голода. В эти же дни от голода умерла сестра бабушки Елена Васильевна Назарова.

Моя мама очень любила Ленинград. У папы в это время была горячая пора, он работал в лесничестве и ехать с мамой в отпуск не мог, и она взяла меня с собой, мне тогда было пять лет. Тетя Валя и Михаил Николаевич нас радушно встретили.

Как-то в воскресенье тетя Валя, Михаил Николаевич, Александра Сергеевна (сестра тети Вали), Сергей Антонович (муж тети Шуры) и мама решили пойти на дневной сеанс в кино. Тетя Валя утром сварила суп,

завернула в фуфайку и поставила на стул в спальне. Меня оставили одну. В Бежецке я часто оставалась одна, дали мне цветные карандаши, тетрадь. Я обещала вести себя достойно.

Когда они ушли, я прошлась по квартире. Кот Маркиз мирно спал на шкафу. Обычное место его было диван, но я его всегда донимала, и он переселился на шкаф. Маркиз – шикарный сибирский кот. Пушистый, серый, с темными полосками, в черных сапожках, широких шароварах, с белой грудкой, огромными зелеными глазами и большими усами. Когда тетя Валя мела пол, кот прыгал на веник и катался. Она его прогоняла, но он опять прыгал, мусор летел в разные стороны, приходилось его выгонять в кухню и закрывать дверь. Я уселась поудобнее на стул у окна, тетрадки мне показалось мало, а подоконник такой белый, широкий, негладкий, поэтому рисовать на нем было просто замечательно. И я нарисовала: домик, дерево, цветы, елочки. На улице сияло солнышко, голубел прямоугольник неба. Я посмотрела в окно, в доме напротив я увидела девочку лет 10-12. Она мне улыбнулась, а я ей, она погрозила пальчиком, я тоже погрозила. Мне стало так весело, но девочку, видимо, позвали, она помахала мне рукой и ушла. Мне стало так грустно. Вдруг я услышала какой-то шум в столовой. На цыпочках подошла к дверям и увидела Маркиза. Тот подпрыгнул, как мячик, молниеносно перепрыгнул через меня и оказался на спинке кресла. Я за ним, он на стол, этажерку, диван, подоконник, мы носились по столовой. Скатерть съехала, стулья упали, подушки с дивана оказались на полу. Коту этого показалось мало, и он понесся в спальню, сначала прыгнул на тумбочку, потом на ширму, на кровать и вдруг вскочил на стул, где стояла кастрюля с супом, завернутая в фуфайку. Стул покачнулся и упал, кастрюля опрокинулась, и оттуда вылился весь суп. Я громко заплакала, кот от испуга вскочил на шкаф и смотрел оттуда своими огромными зелеными глазами. Через некоторое время пришли родные. Михаил Николаевич резюмировал: «Подозрительная тишина, здесь что-то не так». Вошли в столовую, а там такое! «Да тут Мамай с войском проходил. Видимо, Леля с Маркизом сражалась». А когда вошли в спальню, посмотрели на мои художества на подоконнике: «Да здесь Третьяковская галерея», повернувшись, увидели разлитый суп и меня, спящую, сидя на корточках, в углу. Слезинки медленно скатывались у меня по щекам, испуганный кот сидел на шкафу. Мама меня разбудила и отругала, а я говорила, что это не я, а кот. Пришлось тете Вале варить суп снова, а на десерт были пирожные, которые они купили в булочной.

Через два года мама, папа и я снова гостили у тети Вали. Подоконник покрасили, а Маркиз стал солидным взрослым котом. Мы с ним подружились, я его больше не донимала, гладила, он мурлыкал, если ему это надоело, он соскакивал с дивана и медленно уходил. Мы садились обедать, кот забирался мне на колени, и когда у меня на вилке оказывался кусочек мяса, кот тихонько трогал меня лапкой за локоть, чтобы я ему кидала под стол. Но если я, бывало, зазеваюсь, то он хватал сам и прятался под столом от стыда до конца обеда и больше не показывался. Мама говорила, что это не прилично и не гигиенично, все смеялись. Кот Маркиз прожил до старости.

ВОЙНА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Когда наше поколение спрашивают: «Какое время было самым страшным в вашей жизни?», мы отвечаем: «Война». «А какой день самым радостным и счастливым?» «Конечно, день Великой Победы 9 мая 1945 года!»

...В июне 1941 года мы закончили седьмой класс образцовой средней школы №1 (сейчас СШ№5) и перешли в восьмой класс. Сфотографировались.

Классным руководителем у нас с 5-го класса была Анна Алексеевна Морева (на снимке в центре). Она вела уроки русского языка и литературы. Прекрасный учитель и организатор, привила нам любовь к своим предметам. Мы инсценировали произведения русских классиков, выпускали журнал «Пчелка», в котором публиковали рассказы и стихи учеников нашей школы. А какая плеяда замечательных учителей работала в образцовой средней школе №1: Б.И.Белобородов, А.М.Галахов, А.М.Переслегин, М.М.Переслегин, В.Г.Селезнев, М.С.Смирнова, Н.К.Голычев, А.Е.Балябкина, О.П.Лобанова, Е.И.Обломкова и другие.

22 июня было теплым и солнечным. На стадионе ГАРО шумел праздник: шли спортивные соревнования, затем начался футбол, играл оркестр. Люди отдыхали, веселились. И вся эта счастливая жизнь вдруг, в один день, в один час изменилась, когда по радио объявили, что началась война. Сразу все померкло. Лица людей стали суровыми и скорбными. Многие, не стесняясь, плакали.

Когда началась война, нам исполнилось по 15 лет. Бежечане уходили на фронт. В июле 1941 года мобилизовали моего папу. Похоронка на него пришла уже в январе 1942 года.

В октябре 1941 года немцы вошли в Калинин. Пытаясь развить успехи первых месяцев войны, враги вели наступление на трех направлениях: на Торжок, Клин и Бежецк. Наш Бежецк стал прифронтовым городом. Многие школы и общежития стали госпиталями. Немцы часто бомбили Бежецк, Подобино, Сонково. Когда начинался налет, мы выходили из домов с самодельными рюкзаками (ташками), в которых лежали теплая одежда и белье, документы, сухари. В любой момент мы готовы были покинуть город.

Первая осколочная бомба упала около депо на станции. Зажигательные и осколочные бомбы падали и на город, поэтому ночами жители дежурили у

домов. В один из налетов разбомбили железнодорожный вокзал. Тогда погибло или было ранено много людей.

Однажды Гена Брянцев прибежал из школы без пальто. Он сообщил, что бомбы попали в нашу школу. Через 10 минут мы были у школы. Нам открылась страшная картина. Одно крыло школьного здания было полностью разрушено, кругом валялись обгорелые кирпичи, какие-то тряпки, мусор. Стоял дым, и пахло гарью. При взрыве погибла ученица Надя Серeda. Ее смерть посеяла ужас в наших детских сердцах. Занятия вскоре возобновились, но уже в Богословской школе. Когда из средней школы № 2 выехал госпиталь, мы стали учиться там.

Директором нашей школы работал И.В. Хайлов, секретарем комсомольской организации была Зина Смирнова, руководителем учкома – Рита Баркова, старшей пионервожатой – Нина Степанова. В школе нам ввели военное и телеграфное дело, уроки сельского хозяйства. На военном деле мы учились ползать по-пластунски, ходить парадным шагом, собирать и разбирать винтовку. В мае на Песочной яме учились стрелять. Военному делу нас учил Маров, телеграфному – Агафонов.

Комсомольская жизнь в те годы кипела ключом. Учащиеся выступали в госпиталях, читали и писали раненым письма. Летом работали в колхозах.

В 1942 году комсомольцы, пионеры, школьники средней школы № 2 собрали на танковую колонну «Калининский комсомолец» 26 250 рублей и 7 791 рубль на подарки бойцам Красной Армии. Крепя оборону страны, мы выработали летом на сельскохозяйственных работах 8 315 трудодней, своими трудами полностью обеспечили школу дровами и торфом. Вскоре на наш рапорт пришел ответ от товарища Сталина. Он благодарил нас за собранные деньги и желал нам успехов в учебе и общественной работе.

Нина Скачкова, автор, Лора Бойкова
Юра Бушуев, Саша Исаечкин, Ваня Воронин

В 1943-44 гг. наших мальчиков призвали в армию. Некоторые из них домой больше не вернулись, погибли Коля Шилов, Коля Лунин, Рostя Франтов, Миша Переслегин, Валя Смирнов, Фадеев и другие. Вечная им память! Юра Бушуев вернулся слепым, Лева Магарам – без ноги. Сколько же пришлось выстрадать нашим мальчикам! А ведь им не было тогда и 20.

С фронта приходили письма-треугольнички. Из них мы узнавали о судьбах наших любимых и родных. В Ленинграде от голода умерли Михаил Николаевич Голубин, бабушкина сестра Елена Васильевна Назарова.

Ваня Воронин написал стихотворения: одно моей подруге Лоре Б., другое мне. Я до сих пор его храню. Как трогательны его последние строки:

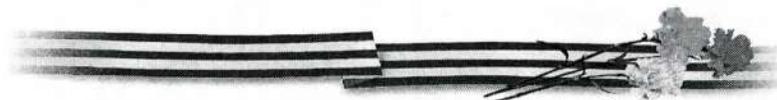
*«Мы с Юрием врагов отбросили,
Мы их отучим воевать!
А с Лерочкой мы вас попросим
Про нас почаще вспоминать.»*

Писал в Бежецк 5 ноября 1943 года между 8 и 10 часами утра. Дарю этот листок на память о Бежецке, на память о школе».

В 1943 году в районной газете «Знамя Коммуны» появилась заметка Вали Илюхиной о нашем земляке, ученике средней школы №2 Николае Шилове. Комсомолец Николай Шилов, командир роты, первым ворвался в населенный пункт, был ранен, но продолжал сражаться. Он погиб смертью героя, честно и до конца выполнив свой долг – защищать Родину.

Когда наступило, наконец, солнечное утро 9 мая 1945 года, лопнула тишина нашего большого спящего дома. Началась всеобщая суматоха. Люди бегали друг к другу, кричали, смеялись, обнимались. Затем все это вылилось на улицы. Все пели, плясали, отовсюду слышались переливы гармоней.

Так закончилась Великая Отечественная война! На ее фронтах погибло две трети призванных бежечан. наших мальчиков, наших соседей, наших братьев, наших отцов. Вечная им память!

Закончилась Великая Отечественная война. С фронта шли поезда с солдатами и офицерами Советской Армии. Мы встречали их, кидали цветы. А воины махали нам руками и пилотками, пели песни.

В октябре 1945 г. мне довелось побывать в Калининe. Город, разрушенный немцами, стоял в руинах. На некоторых зданиях сохранились надписи, напечатанные крупными черными буквами: «Все на разгром фашистов», «Смерть немецким оккупантам», «Не отдадим родного города врагу».

В 1946 г. мы жили в Калининe в женской средней школе на проспекте Чайковского. Техслужашая школы рассказала, что во время оккупации, немцы жили на верхних этажах этой школы, а на первом этажа устроили конюшню.

Калинин восстанавливался на глазах. За три года руины исчезли. Появились высокие, новые дома.

Глубокое уважение испытываем мы к ветеранам – участникам войны. Они героически отстояли нашу великую Родину – Советский Союз, одержали Победу над фашизмом. Всем им доброго здоровья, бодрости, благополучия, счастья в семье, мира и согласия, успехов во всем.

Ветеранам – участникам войны можно сказать:

*Наденьте ордена! Они вам за Победу,
За раны ваши честные даны...
Носите ордена, чтоб видели вас люди,
Вас, вынесших войну
На собственных плечах...*

А.Коваль-Волков

Москва, Кремль. Товарищу Сталину

Воодушевленные Вашей речью от 6 ноября 1942 года и блестящими победами руководимой Вами доблестной Красной Армии, беспощадно разищей орды фашистов, мы, комсомольцы, пионеры и школьники Бежецкой средней школы № 2, Калининской области, внесли в отделение Госбанка на танковую колонну „Калининский комсомолец“ 26.500 рублей и на подарки бойцам Красной Армии 7.771 рубль. Крепя оборону страны, мы выработали летом на колхозных работах 8.315 трудодней и полностью своими трудами обеспечили свою школу дровами и торфом.

Обещаем, товарищ Сталин, и на учебном фронте добиться хороших показателей и дать достойную смену защитникам Родины.

Желаем Вам, дорогой и любимый Иосиф Виссарионович, сил и здоровья для победы и блага нашей великой Родины.

Директор школы И. ХАЙЛОВ.

Секретарь комитета ВЛКСМ Э. СМIRНОВА

От пионерской организации К. СТЕПАНОВА

От учкома школы Р. БАРКОВА.

Директору Бежецкой средней школы № 2 тов. ХАЙЛОВУ,
секретарю комсомольской организации тов. СМIRНОВОЙ,
пионервожатой тов. СТЕПАНОВОЙ,
председателю учкома тов. БАРКОВОЙ.

Передайте комсомольцам, пионерам и школьникам Бежецкой средней школы № 2, собравшим 26.500 рублей на строительство танковой колонны „Калининский комсомолец“ и 7.771 рубль на подарки бойцам Красной Армии, благодарность Красной Армии и мои пожелания им здоровья и успехов в учебе и общественной работе.

И. СТАЛИН.

ВЕРНЫЙ СЫН РОДИНЫ

Сотни комсомольцев нашего района сражаются на фронтах Отечественной войны. Среди замечательных советских летчиков, танкистов, разведчиков и краснофлотцев есть и наши земляки.

Трижды орденоносцы П. Сергеев, орденоносцы С. Смирнов, М. Коралев Н. Журавлев, К. Мошков и многие другие — гордость всего района.

Средняя школа № 2 получила письмо с вырезкой из фронтовой газеты, рассказывающей о подвиге воспитанника нашей комсомольской организации Шилова.

Коля в совсем недалеком прошлом ученик школы № 2. Запомнился он невысоким светловолосым юношей с большим выпуклым лбом. Скромный, аккуратный Шилов был хорошим учеником, дисциплинированным комсомольцем, закаленным лыжником.

В начале февраля этого года Коля был призван в

ряды Красной Армии. Вместе с ним ушли на фронт и одноклассники Н. Смольнов, Н. Лукин, В. Негрусов, В. Федоров, В. Макаров.

Прошел почти год. Мы не представляем, какими они стали в армии, но знаем, что они выросли и окрепли не только физически, но и морально. Их письма были попрежнему жизне-радостными и полны ненависти к врагу.

Комсорг роты Шилов был пулеметчиком и находился на переднем крае обороны. Шли жестокие бои. В одной из жарких схваток Коля погиб.

„Мы потеряли еще одного из наших товарищей, — пишет нам Смольнов. — Коля больше нет среди нас. Он погиб, но погиб смертью храбрых. Пусть гордится школа, пусть гордится комсомольская организация. Пусть гордится и мать, которая воспитала такого сына.“

О Шиллове написал в

фронтовой газете капитан П. Рудин: — Коммунисты и комсомольцы, воодушевленные докладом и приказом Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, сражаются с врагом, не щадя ни крови своей, ни самой жизни.

Член комсомола красноармеец Шилов первым ворвался в населенный пункт, занятый противником и метким огнем сразил несколько гитлеровцев. Храбрый воин был ранен, но не покинул поле боя. Истекая кровью, Шилов продолжал громить врага. Гитлеровцы окружили раненого бойца и пытались захватить его. Комсомолец Шилов бился до тех пор, пока руки держали оружие.

Он погиб смертью героя, с честью выполнил свой воинский долг.

Так сражаются комсомольцы — верные сыны социалистической Родины.

В. Илюхина.

ОТ АВТОРА

Бежецк хорошеет с каждым днем. Городской сад преобразили до неузнаваемости, превратили его в жемчужину нашего города.

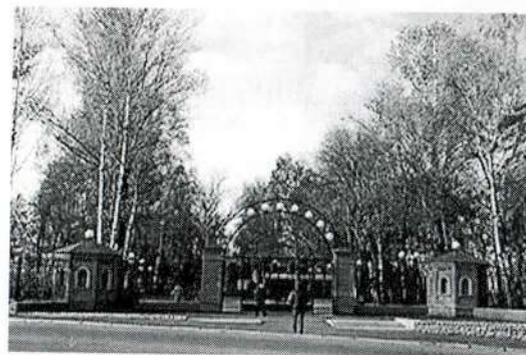
Выразить свою любовь к родному городу хочу стихами бежецкого поэта Геннадия Ершова:

*Бежецк, милый город,
сторона родная!
Облик твой степенный
с детства знаю я.
Нет красивей места,
нет милее края!
Древний тихий Бежецк –
родина моя.
Будущее время
может только сниться.
Изменений в жизни всех
не перечесть.
Нужно только помнить,
верить и гордиться
Тем, что город Бежецк
у России есть!*

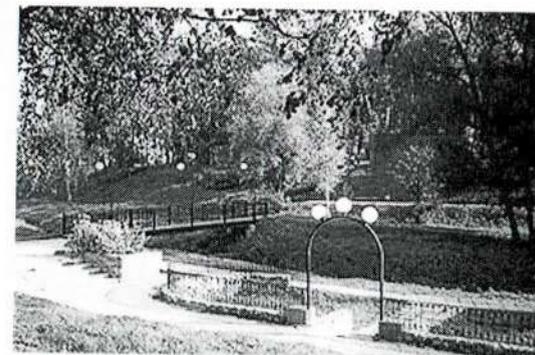
Мы любим свой город. Давайте все вместе делать его ещё чище, краше и уютнее.

Всем бежечанам я желаю счастья, доброго здоровья. Пусть в ваших семьях царят радость и благополучие, достаток, мир, уют, успехов вам во всех начинаниях.

Современный БЕЖЕЦК в фотографиях БОРИСА ИВАНОВА

Центральный вход в Городской сад

Городской сад

Бежецкий почтамт

Педагогическое училище

Спасо-Кладбищенская
церковь

Железнодорожный вокзал

Средняя школа № 2

Содержание

Воспоминания о старом Бежецке	5
Рассказы о прошлом и старине, о родном, милом городе Бежецке	8
Небольшие истории: из детства о милом Бежецке	25
НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ:	
Детская логика	28
Ревякины - младшие	30
Наш коммунальный дом	32
Баня - дело серьезное	33
Мальчики, школа, война	34
Соседи	34
Украинцы в Бежецке	36
Истории обо всем	36
В дни войны - после войны	37
В гостях у тетушки	38
Война в моей жизни	41
От автора	46
Современный Бежецк в фоторафиях Бориса Иванова	47

БЕЖЕЦК
*мой маленький город
с названьем неброским*

Автор текста и составитель:

Е.Г.Кузьмина

Набор текста:

Л.А.Фролова, гл.библиотекарь
Бежецкой центральной библиотеки

Компьютерная верстка и дизайн:

М.Г.Михайлова, гл.библиограф
Бежецкой центральной библиотеки

Бежецкая центральная районная
библиотека им. В.Я.Шишкова, 2006 г.